ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 93 (2476) | Суббота, 20 ноября 1948 г. | Цена 40 коп.

Наука и социализм

Мы переживаем великое и неповторимое время. С каждым годом все более полно раскрываются могучие животворные силы социалистического строя. Советский Союз — страна передовой общественной науки, страна, в которой господствует непобедимое учение марксизма-ленинизма.

В современном мире Советский Союз—не только образец самой высокой общественной системы. Он — образец нового, небывалого отношения народа и государства к науке и культуре. В. И. Ленин писал: «...нигде народные массы не заинтересованы так настоящей культурой, как у нас; нигде вопросы этой культуры не ставятся так глубоко и так последовательно, как у нас...» Только у нас действительно используются все достижения культуры и науки на благо народных масс. Наука эпохи социализма глубоко народна, действенна, проникнута большевистским духом и основана на принципах диалектического материализма.

Энгельс пророчески писал, что после победы социализма люди «...впервые станут действительными и сознательными повелителями природы, и именно в той мере, в какой они станут господами своих собственных общественных отношений». Эти слова получают свое замечательное подтверждение в практике нашей страны.

Сбывается у нас и другое великое предвидение основателей научного коммунизма, что только при социализме начнется новая эпоха в развитии науки, эпоха настолько величественная, что все, совершенное до нее, покажется лишь слабой тенью.

Социализм требует науки, способной преобразовывать мир, изменять природу, науки творческой, опирающейся на опыт миллионов.

Социализм создает предпосылки для ломки самых закоренелых предрассудков буржуазной науки, для коренного пересмотра ее «законов» и норм, отражающих узость горизонта буржуазного общества.

Как известно, в течение многих десятилетий, если не столетий, вся так называемая официальная биологическая наука отстаивала положение о невозможности наследования приобретенных организмом признаков. Дарвин своей теорией эволюции нанес сокрушительный удар этим метафизическим представлениям. Он доказал, что не может быть и речи об эволюции организмов, если не признавать, что организмы и виды изменяются под влиянием окружающих их жизненных условий. Однако на рубеже XIX и XX веков, в связи с общим ростом реакции в буржуазном мире, получили распространение вейсманистские «идеи» о том, что существует якобы вечное, неизменное «наследственное вещество», живущее своей самостоятельной жизнью, не зависимой от «тела». Крайне характерно, что эти «идеи» у самого Вейсмана и его последователей сочетались с прямыми религиозными выводами, с антисоциалистическими устремлениями. Это раскрывает подлинный социальный смысл подобных теорий.

Естественно, что социализм принципиально не может мириться с такими «идеями». Социалистический строй, колхозно-совхозная практика создают небывалые нигде и никогда возможности для познания живой природы, растительного и животного мира. Нигде и никогда еще в мировой истории не ставился в таких огромных масштабах вопрос об активной переделке растительного и животного мира для нужд человечества, как у нас в социалистическом обществе.

Мичуринская советская биологическая наука исходит из того, что наследование приобретенных организмами признаков и сознательное управление развитием организмов в сторону, нужную человеку, не только возможно, но и **необходимо**. Без этого не может быть материалистической теории развития живой природы, не может быть и действенной науки, девизом которой является служение народу. Великая сталинская прозорливость и глубочайшее проникновение в законы развития жизни подняли нашу советскую науку вообще и нашу биологическую науку, в частности, на небывалую высоту. Ломая и преодолевая все реакционные догмы, советская биология вышла теперь на широкий простор нового необычайного развития.

Огромное значение дискуссии по биологическим вопросам и победы мичуринской биологии отмечал недавно товарищ В. М. Молотов.

Творческое значение материалистических принципов для всех отраслей науки чрезвычайно велико. В любой области знания они способны дать замечательные результаты.

Возьмем, например, вопросы почвоведения и лесоразведения. До настоящего времени в буржуазной сельскохозяйственной науке имеют хождение всякого рода «законы» о «деградации» почв, о неизбежности «засоления» почв, о потухающих кривых почвообразования и т. п., свидетельствующие скорее о процессе деградации буржуазной науки и бессилии ее, чем о действительном понимании природы.

Мальтусы, Давиды, Брентаны, Булгаковы и многие другие буржуазные экономисты на все лады воспевали «закон убывающего плодородия почвы», или иначе «закон понижающихся урожаев». Эта глупая, никчемная выдумка, эта, по выражению Ленина, побасенка буржуазной политэкономии распространялась в сотнях «трудов» и статей.

Классики марксистской науки—Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин — еще задолго до победы Октября теоретически разбили вдребезги этот «закон», показали, что в действительности означает это тупоумное изобретение незадачливых «ученых» лакеев капиталистического рабства. Советский строй практически доказал никчемность этого «закона», доказал, что дело не в природе, не в почве как таковой, а в общественных отношениях людей, в господствующем способе производства.

Социализм, колхозный строй обеспечили повышающиеся из года в год урожаи. Теперь партией и советским правительством принята новая грандиозная сталинская программа наступления на засуху, программа победы над извечным врагом земледелия — засухой.

В результате воплощения в жизнь этой программы, подобной которой не знает вся предшествующая история земледелия, 120 миллионов га полей получают защиту от стихийных бедствий и будут обеспечены повышающиеся из года в год урожаи. От каждой строки постановления Совета Министров СССР и ЦК партии веет духом коммунизма.

Социализм — это не только великое обновление человека, воспитание новых людей, очищенных от старой дряни буржуазного общества и буржуазной морали, — **это также великое обновление земли.**

Постановление Совета Министров и ЦК ВКП(б) кладет в основу всей работы по лесоразведению научный комплекс работ Докучаева, Костычева, Вильямса, учение о травопольной системе земледелия.

Свою теорию единого почвообразовательного процесса, учение о травопольной системе земледелия Вильямс разрабатывал, исходя из метода материалистической диалектики. Он всегда подчеркивал необходимость тесной связи науки с жизнью, необходимость ставить науку на службу интересам социалистического строительства. Он боролся за научную агрономию, основанную на учении Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина.

Большие достижения имеет советская физика. За последние годы наши ученые в этой области обогатили науку открытиями первостепенного значения.

Однако еще очень большие задачи стоят перед советскими физиками. Нет сомнения в том, что поднятая на большую принципиальную высоту борьба против идеализма, против всяких проявлений низкопоклонства перед буржуазной идеалистической наукой будет содействовать дальнейшему расцвету нашей физики и сделает ее самой передовой в мире.

В области теоретической физики, особенно с конца XIX и начала XX века, как известно, идет острейшая борьба между материализмом и идеализмом. Для последовательного разоблачения их в науке гениальный труд В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» является оружием могучей силы. Теперь, когда реакционные холопы англо-американского империализма в области науки делают самые мракобесные выводы из новейших достижений физической науки, эта борьба приобрела особенно непримиримый характер.

Одним из краеугольных теоретических положений современной квантовой механики является так называемый «принцип неопределенности», сформулированный Гейзенбергом в 1927 году.

Содержание этой «неопределенности» связано с тем обстоятельством, что квантовая механика не достигла своей законченности и находится в состоянии непрерывного роста. Однако эту неопределенность физические идеалисты называют «принципиальной неопределенностью», делая тем самым философские выводы из этого положения в пользу мистики и агностицизма.

Современная физика подошла в своем развитии к изучению взаимодействия между физическими явлениями микромира и аппаратом нашего наблюдения. Постановка этого вопроса — достижение науки и свидетельство ее движения вперед. Однако в условиях империалистической реакции на живом дереве познания вырастают ядовитые цветы идеализма и мистики: из новой роли прибора в исследовании микрочастиц делаются идеалистические выводы о нереальности микромира.

Только материалистическая физика может вырвать из пут идеализма современную физику. Только последовательный материализм может **очистить физику от идеалистических наслоений и раскрыть перед ней в области теории и практики** новые творческие перспективы.

Обогащая физическую науку своими новыми исследованиями, используя все действительные достижения зарубежной физики, советские ученые в состоянии решать общетеоретические и методологические вопросы на таком высоком идейном уровне, который недоступен узкому кругозору буржуазных ученых.

Диалектический материализм — замечательное оружие для решения теоретических вопросов современной физики. Он учит, что наука не имеет никаких границ в познании природы, что все даже самые сложные процессы микромира вполне доступны человеческому познанию.

Пора нашим ученым противопоставить буржуазной науке свою трактовку новейших достижений физики, свои теоретические обобщения, базирующиеся на диалектическом материализме. Разве такая задача не в состоянии духовно поднять и окрылить людей науки?

Товарищ Сталин поставил перед нашими учеными задачу: «не только догнать, но и превзойти в ближайшее время достижения науки за пределами нашей страны».

Вдохновленные идеями нашего великого вождя, советские ученые решат эту задачу и добьются дальнейших значительных успехов в общем под'еме нашей советской науки и культуры.

Академик М. МИТИН

Пленум Правления Союза советских писателей СССР

15 декабря состоится пленум Правления Союза советских писателей СССР.

Пленум обсудит доклады о развитии армянской, латышской и казахской литератур после постановления ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград». С докладами выступят А. Сирас, И. Муйжниек, С. Муканов, с содокладами — К. Симонов, А. Сурков, Б. Горбатов.

Пленум обсудит также вопросы: советская драматургия после постановления ЦК ВКП(б) «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» (доклад А. Софронова), тематический план Министерства кинематографии на 1949 год и работа писателей над сценариями (доклад В. Щербины).

На пленуме будут рассмотрены организационные вопросы.

Повесть о народе-богатыре

А. МАРЬЯМОВ

Бой идет во всех этажах. На широких маршах парадных лестниц рвутся гранаты. Из дальнего конца бесконечного коридора бьет противотанковое ружье. В чердачных окнах не умолкают, захлебываются эсэсовские пулеметы. В языках пламени и в черном дыму исчезает хищная птица фашистской империи, тяжело распластавшая по фронтону свои каменные крылья. А выше — под голубым майским небом, под легкими утренними облаками, над домом, над городом, над всем истерзанным войною миром — уже вспыхивает радостное, алое знамя Победы.

Весенний ветер полощет его. И люди с неостывшими автоматами на ремнях, люди в опаленных боем гимнастерках, молодые, вдохновенные, упоенные чудесным счастьем достигнутой цели, советские люди, незыблемо утверждают это знамя, возвещая всему человечеству победу и мир.

Этот момент запечатлен уже в песнях многих народов и на полотнах художников, в строфах многоязычных стихов, но не исчерпана и, вероятно, никогда не будет исчерпана искусством вдохновенная красота и великолепная, огромная внутренняя мощь той минуты, когда советский воин завершил битву с германским фашизмом.

Вся сила народного духа, воля миллионов советских людей шли дорогами наступления и с боем врывались в Берлин. Туда, «перегоняя пехоту, неслись орудия, танки, тачанка с пулеметами, не желая уступать дорогу танкам, летела карьером. На боках танков мелькали надписи: «За Родину!», «За великого Сталина!», «Суворов», «Кутузов», «Учительница Румянцева», «Сталевар Иванов»...

Так лаконично и образно в надписях, выведенных на бортах атакующих танков, выражена эта мысль в одном из эпизодов киноповести П. Павленко и М. Чиаурели «Падение Берлина», напечатанной в одиннадцатой книге журнала «Знамя».

«Падение Берлина» — необычайно широкое полотно, на котором вновь оживают перед читателем грандиозные исторические события недавних лет. Произведение это звучит, как торжественная песнь, как былина, сложенная в честь народа-богатыря, великого народа-победителя, чей мозг и сердце—партия и Сталин.

Киноповесть П. Павленко и М. Чиаурели начинается с картины мартеновской плавки. И, словно сам отлитый из хлынувшего в изложницы металла, возникает перед нами герой этой повести, молодой сталевар Алексей Иванов.

Он только что добился нового рекорда. Общею радостью с ним дышит весь завод, вся страна. И, как воплощение этой радости, приходит известие о том, что сталевар Иванов, его товарищи и весь завод награждены орденами.

Уже с самых первых страниц проявляется большое и своеобразное умение авторов описывать каждого своего героя и каждое частное событие так, что они не вызывают никакого сомнения в полной своей жизненности и в то же самое время воспринимаются читателем, как публицистическое обобщение широких и значительных событий, совершаемых нашим народом.

«— На его глазах создавалась наша страна, — говорит об Иванове учительница Наташа Румянцева, выступая на митинге. — Вместе с нею мужал и крепнул характер Иванова...»

И тут читатель замечает, что даже и самая фамилия героя звучит, как намеренное обобщение.

Но так тепло и выпукло обрисован образ молодого сталевара, так живо и верно рассказано нам о его робкой, чистой и всепоглощающей любви к Наташе Румянцевой, что оба они не превращаются только в обобщение, и мы напряженно следим за тем, как складывается личная судьба Алексея.

Оба они, и Алексей, и Наташа, — совсем живые люди, каких видим мы каждый день, с которыми бок о бок работаем, сидим в театре, встречаемся в библиотеке.

Но вот директор завода сообщает сталевару Иванову, что его вызывают в Москву.

— А кто вызывает-то?—осведомляется Иванов.

— Сталин, — отвечает Хмельницкий.

Авторы киноповести показывают нам эту встречу Алексея Иванова с товарищем Сталиным.

Они сидят за столом — Сталин, Молотов, Берия, Жданов и Иванов.

Товарищ Сталин угощает Иванова, идет общая беседа, которая переходит в общую песню, а потом Алексей Иванов, — так, как только отцу родному можно рассказать, — рассказывает товарищу Сталину о своей любви и о том, как ему трудно, потому что Наташа совсем его «стихами замучила».

«...— Вдруг, скажем, звонит по телефону: «Алло! Алексей, Алеша! «Кавказ подо мною, один в вышине...», продолжай!» Вы понимаете?

Сталин, смеясь, останавливает его:

— Что же вы?

— Я, конечно, не поддаюсь, насколько могу, но кто же столько стихов помнить может?

— А стихи, между тем, хорошие, — задумчиво произносит Сталин и, прищурив глаза, негромко читает наизусть:

...стою над снегами у края стремнины:
Орел, с отдаленной поднявшись вершины,
Парит неподвижно со мной наравне.
Отселе я вижу потоков рожденье
И первое грозных обвалов движенье...»

А это что? — начинаем мы думать. — Было это или не было?

Было, непременно было, говорим мы почему-то себе, не зная еще, откуда приходит эта твердая уверенность. И, наконец, понимаем: это было с каждым из нас. Вот так, именно так в своих мечтах каждый из нас толковал с ним обо всем самом сокровенном. И великолепные пушкинские строки мы перечитываем, словно и они написаны были про него. проницающего рожденье потоков и первое движенье обвалов...

И пусть «это было с бойцами или страной, или в сердце было в моем» (Маяковский). Но это было! Со всем народом было.

Значит, неспроста называется Ивановым этот молодой сталевар...

И вновь мы видим, как прямо после этой беседы со Сталиным Алексей Иванов и Наташа Румянцева вместе идут по степи, и в гуще хлебов Иванов поет ту же песню, которую пел в гостях у Сталина. Он «шел и пел, и была в его песне такая сила, такой простор, который приходит раз в жизни, в час торжества души».

А когда на эту мирную степь, в тишину июньской ночи, в светлую и чистую радость двух молодых душ обрушиваются первые бомбы нагрянувшей внезапно войны, мы вновь понимаем, что это не только рассказ о двух частных судьбах, но и изображение всей страны, застигнутой войною в торжестве мирного труда, мирной жизни.

...Алексей в армии. Наташа захвачена немцами и угнана в Германию.

«На серой, ничем не украшенной Красной площади стоят войска...

На мавзолее, как капитан на мостике корабля, появляется Сталин».

И слова памятной речи товарища Сталина, произнесенной в окруженной врагами Москве, слышат рабочие в затемненных цехах прифронтового завода, летчики в воздушном бою, Алексей Иванов в пылу ожесточенной атаки.

Слова ведут на бой и на подвиг.

Эти слова слышит в своей ставке и Гитлер. Сатанея, он поднимает в воздух тысячу самолетов и бросает их на нашу столицу.

В киноповести сказано об этом:

«Надпись: **Ни один немецкий самолет не прорвался к Москве.**

На мавзолее Сталин спокойно заканчивает историческую речь: «Под знаменем Ленина — вперед, к победе!»

И войска с Красной площади идут на фронт.

Снежные поля Подмосковья усеяны разгромленной немецкой техникой, трупами.

Надпись: «**Ни один немец не прошел к Москве**».

Движение огромных людских масс и исторические повороты событий показаны в коротких эпизодах киноповести и в немногих, но точных словах. В одном из таких эпизодов раскрыто подлинное лицо кое-кого из тех, кто именовал себя в этой войне нашими союзниками.

Пряча лицо в меховой воротник, приезжает тайком в охотничий замок Геринга англичанин Бедхем, коммерсант, представитель английских фирм в Швеции. Геринг и Бедхем заключают соглашение на поставку вольфрама для германской военной промышленности...

...Вскоре после победы под Сталинградом товарищ Сталин посещает один из тыловых металлургических заводов. П. Павленко и М. Чиаурели рассказывают о том, как проходит он по мартеновскому цеху, окруженный друзьями Алексея Иванова и выросшими учениками Наташи Румянцевой.

«Сталинград породил у нас сверхстойких солдат, — говорит товарищ Сталин директору завода, — нужна и новая сталь для таких людей... Крепче любой в мире».

От Волги на запад, дорогой наступления идет в это время Алексей Иванов со своими боевыми друзьями.

Он идет вперед, несмотря на то, что немцы стягивают на Восточный фронт новые и новые силы. Он идет вперед, несмотря на то, что даже и те, кто называет себя его союзниками, стремятся затормозить движение советских армий на запад и вырвать победу из рук Алексея Иванова.

Вот сцена в зале Ливадийского дворца, «где за большим круглым столом — товарищ Сталин, товарищ Молотов, Рузвельт, Черчилль, их советники и референты».

Товарищ Сталин предлагает союзникам начать наступление на Западном фронте в первой половине февраля...

«— Не спорю, но на это нужно время...—говорит Черчилль...

Рузвельт вступает в дискуссию:

— Мне, признаться, улыбается перспектива быстрого окончания войны...»

«— Ваши войска, господин Сталин, только что сделали огромный бросок вперед, — вмешивается Черчилль,—им нужна очень длительная передышка перед новым наступлением. А кроме того, ваш удар не сможет быть сильнее январского. Таков закон убывания сил... Железный закон войны!

— Он не характерен для советской стратегии, — спокойно замечает товарищ Сталин, что окончательно выводит из себя английских и американских военных».

И дальше:

«**Черчилль:** Вы многим рискуете, желая войти в Берлин первыми. Кроме того, я искренне считаю, что было бы лучше, если бы мы все одновременно вошли в Берлин. Это было бы прекрасно для идеи Об'единенных Наций».

Товарищ Сталин продолжает:

«— Если союзное командование обеспечит должную активность на Западе, то я считаю, что мы все...

Референты, куда-то шедшие с бумагами, останавливаются. Все замолкают. Все напряжено.

— ...находимся накануне сражения за Берлин».

С самого начала повести о великой битве мы видели, как созревает у товарища Сталина грандиозный стратегический план, как обнимает он своей мыслью необ'ятные пространства и сроки, как прочерчивает тот маршрут, который приведет к победе.

Черчилль говорил о «железном законе» убывания сил.

Но социалистический строй родил иные законы. И на этих-то законах основана великая сталинская стратегия.

Рассказывая о днях, когда разворачивалось историческое сражение за Москву, авторы киноповести воскрешают такой эпизод.

На совещании в кабинете товарища Сталина генералы говорят о том, что техники мало.

«Сталин останавливается, достает из кармана маленькую записную книжечку и внимательно перелистывает ее.

— Полтораста, говорите? Возьмите пока что восемнадцать машин. И эти... бронебойки возьмите... Замечательное оружие».

Почти четыре года прошло после этого совещания.

Мы вновь видим кабинет Сталина и вновь слышим, как генералы исчисляют технику, которая нужна им уже не для обороны, но для последней, решающей битвы.

«Неторопливо вынимает товарищ Сталин старую, уже заметно истрепавшуюся записную книжечку.

— Мало, мало просите,—говорит он. — Сейчас не сорок первый год, сейчас всего вдоволь... Не двести двадцать стволов вам нужно на километр, а по крайней мере двести восемьдесят! Забываете — борьба развернется в сплошных линиях укреплений и населенных пунктах... И танков берите, как можно больше!.. Мы сейчас богаты».

Вдохновенные сцены великой атаки перемежаются изображением того, что происходит в подземелье под имперской канцелярией, куда, точно в крысиную нору, забился в предчувствии смертного своего часа Гитлер со своими приближенными.

На пути своего наступления советские воины освобождают Наташу Румянцеву с сотнями других рабов, согнанных со всей порабощенной Европы.

А над сражением, над всеми атакующими, ведя вперед воинов, указывая направление каждого удара и руководя всей великой битвой в целом, встает фигура Сталина — «в маршальском кителе у себя в кабинете перед огромной оперативной картой».

Наступает прекрасный момент победы. Гвардейцы Кантария и Егоров водружают знамя на фронтоне рейхстага. Иванов поднимается к этому реющему над миром алому знамени. Поверженный Берлин лежит внизу.

И, наконец, в толпе, встречающей товарища Сталина, прибывающего в побежденный Берлин, Алексей и Наташа вновь находят друг друга.

«Сталин был в трех шагах от них и остановился, с нежной лаской глядя на встречу двух душ, потерявшихся в водовороте войны. Он глядел, отечески улыбаясь и рукоплеща им, точно скреплял своим присутствием и благословлял своей улыбкой их жизнь.

Наташа подошла к нему и, смело взглянув в глаза, сказала:

— Можно мне вас поцеловать, товарищ Сталин? За все, за все, что вы сделали для нашего народа, для нас.

Сталин, несколько смущенный неожиданным вопросом, развел руками».

Так заканчивается эта былина об Алексее Иванове и Наташе, о народе-богатыре и о великом Сталине, об одной из славнейших побед, одержанной на трудном и благородном пути, который требует многих усилий и многих подвигов.

С героями киноповести прощаемся мы в тот момент, когда вся жизнь расстилается перед ними, освещенная сталинской улыбкой и ласковым взглядом его прозорливых, далеко проницающих глаз.

Герои будут плавить сталь и насаждать леса, будут воспитывать новые поколения юношей и девушек, шагать дальше и выше и вести за собою других — к самой светлой цели, к коммунизму, туда, где шелестит вечнозеленой листвою дерево жизни, посаженное руками Сталина.

П. Павленко и М. Чиаурели. «Падение Берлина». «Знамя», № 11, 1948.

Павел ШУБИН

Полковая пушка

Из горного злого металла,
Хоть ростом, как будто, мала, —
Она и Берлин повидала,
И в дымном Хобсе была!

Ходила с пехотою рядом
И танки немецкие жгла,
В атаках дралась с «фердинандом».
А все ж до сих пор дожила!

Я видел ее на вершинах
Лапландских угрюмых высот,
Когда на резиновых шинах
Она вылетала вперед.

Я видел ее под Мулином,
Где, пятясь, легли навсегда
Под нашим ударом орлиным
Войска генерала Хата.

Немало и там довелось ей
Работать вблизи на картечь,
Маньчжурской пшеницы колосья
Ее укрывали до плеч.

Сигналы ракеты зеленой
Я помню еще до сих пор —
И сполохи дивизионной,
Гремящей по дотам в упор,

И трассу «катюши» кривую,
Как выгнутых сабель клинки,
Но славлю свою полковую,
Ходившую с нами в штыки!

Я славлю наводчиков смелых,
Что нас выручали не раз,
Уральских рабочих умелых,
Создавших оружье для нас!

На трибуне—наладчик Алексей Судьин

Доклад стахановца на заседании научно-технического совета

На-днях состоялось очередное заседание научно-технического совета Исследовательского и экспериментального института подшипниковой промышленности. На заседании присутствовало около ста человек—доктора и кандидаты наук, научные сотрудники института, инженеры подшипниковых заводов. Виднейшие представители технической мысли собрались, чтобы заслушать доклад стахановца Алексея Ивановича Судьина.

Молодой наладчик Первого московского подшипникового завода имени Кагановича А. Судьин — подлинный новатор производства. В этом году он внес шесть ценных рационализаторских предложений. Работе тов. Судьина был посвящен очерк писательницы И. Ирошниковой «Юность награждена» (см. «Литературную газету» № 78 от 29 сентября 1948 года).

Доклад стахановца вызвал большой интерес ученых. Подробно изложил он итоги своих творческих исканий, поделился мыслями о путях дальнейшего совершенствования техники.

До сих пор кольца, изготовляемые из труб, обрабатывались на подшипниковых заводах страны каждое в отдельности на сложных токарных автоматах. Наладчик Судьин поставил перед собой цель — одновременно обрабатывать по два кольца. Правильное решение этой технической задачи было найдено; в основе предложения Алексея Судьина заложена смелая и оригинальная мысль. Выработка повысилась почти в два раза.

— Но я глубоко убежден, что достигнутое не является пределом, — говорил докладчик. — Мне еще не удалось на втором кольце получить беговую дорожку для шариков, и эту операцию мы вынуждены пока выполнять на втором, доделочном станке.

Алексей Судьин внес предложение: ученым вместе с людьми практики до конца решить намеченную задачу. Далее в своем докладе стахановец поделился мыслями о переходе на высокие скорости резания, о необходимости улучшить зажимные устройства станков и создать специальные шаблоны, необходимые при наладке сложнейших многошпиндельных токарных автоматов.

С краткими докладами об опыте внедрения в производство нового технологического процесса — обработки раскатанных заготовок подшипниковых колец—выступили стахановка М. Сизова и научный сотрудник института И. Бернштейн.

В прениях приняли участие доктор технических наук, директор института С. Пинегин, кандидаты технических наук Г. Чернавский, Я. Раузин, И. Кузнецов, инженеры С. Рысин, В. Каневцев и др. Главный инженер Главподшипника В. Девятов отметил исключительную важность обсуждения научно-техническим советом докладов новаторов производства.

Научно-технический совет института в своем решении полностью поддержал инициативу тов. Судьина. В план токарной лаборатории включены две темы, успешное решение которых начато стахановцем Судьиным. Эти темы, по признанию совета, имеют большое значение для нового под'ема отечественной подшипниковой промышленности.

В ближайшее время институт издает специальную памятку мастера и наладчика, где будут подробно изложены методы стахановца А. Судьина. Будет также составлено описание опыта стахановки М. Сизовой и работников института, совместно внедривших в производство новый технологический процесс.

Письмо Людмила Стоянова

Разрешите мне через вашу газету высказать мою глубочайшую, искреннюю и сердечную благодарность советскому правительству, удостоившему меня высокой награды — Ордена Трудового Красного Знамени — за мое участие в деле ознакомления нашего народа с русской классической и советской литературой. Эта награда высоко оценивается в нашей стране как знак исключительного внимания к болгарским писателям и болгарской литературе, которая всегда следовала боевым и гуманным идеалам великой русской литературы.

Благодарю от всего сердца товарищей из правления Союза советских писателей за дружескую телеграмму с приветствием, а также всех, кто поздравил меня по случаю моего юбилея. Моя благодарность тем горячее, что с большинством из них меня связывают личная дружба и общая работа в деле защиты культуры и мира.

Я тронут до глубины души вниманием советского правительства и советской общественности. Это укрепляет мои силы и волю к еще более деятельной и решительной работе, к еще большему углублению и расширению литературных и культурных связей между нашим народом и народами великого Советского Союза.

Да здравствует могучая и высокоидейная советская литература!

Да здравствует советская культура и ее мудрый вдохновитель — Генералиссимус Сталин!

СОФИЯ. Людмил СТОЯНОВ

Трубадуры идеализма в физике

Вл. ЛЬВОВ

1.

Разоблачение реакционно-идеалистических сил, орудовавших в советской биологии, заставляет рассмотреть положение и на других участках научного фронта.

Речь пойдет о физике, о теории атома.

Сегодня перед советской физической наукой, вооруженной передовым и могучим методом — диалектическим материализмом, стоит вопрос: будет ли она итти кратчайшим путем к поставленным перед нею великим целям? Займут ли советские физики твердую позицию в происходящей сейчас борьбе двух непримиримых течений в науке о строении материи? Возглавят ли они разгром реакционных, лженаучных воззрений в атомной физике? Или же эти воззрения, притекающие с запада и услужливо подхватываемые некоторыми нашими профессорами, будут распространяться, дезориентируя советские теоретические кадры, тормозя продвижение вперед материалистической науки?

***

Двадцатые годы нашего века отмечены были важнейшими событиями, происшедшими в истории физики. В эти годы были заложены основы так называемой **квантовой**, или **волновой**, теории материи. Из этой теории следует, что с каждой **прерывной**, то-есть обособленной в пространстве атомной частицей, связан некоторый, охватывающий все **непрерывное** пространство, волнообразный материальный процесс.

Это открытие явилось серьезным вкладом в материалистическую диалектику природы. Оно приблизило физику к установлению **единства прерывности и непрерывности материи.**

Приняв к 1927—28 годам более или менее четкие очертания, квантовая теория сумела оплодотворить практику рядом крупных достижений. Но удачная, стихийно начатая разработка диалектического синтеза, лежащего в основе атома, в дальнейшем не получила своего развития. Этот синтез остался незавершенным и неполным. Из открытий современной атомной физики стали делаться идеалистические и мистические выводы. Возникший на почве общего загнивания буржуазной культуры глубокий кризис теоретической физики в наши дни так же далек от разрешения, как и четверть века назад.

Как возник этот кризис?

Основное уравнение атомной физики устанавливает волновой характер движения атомных частиц. При помощи этого уравнения одновременное и совершенно точное определение координат и скоростей микрочастиц невозможно. Происхождение этой «неточности», или «неопределенности», является пока что предметом обсуждения и споров. Но каков бы ни был исход этих споров, ясно одно: окутывающий атомную механику туман «неопределенности» об'ясняется **неполнотой и незавершенностью** квантовой теории в ее нынешнем виде. Рассеять этот туман — задача материалистической физики. «Физический» же идеализм об'явил эту «неопределенность» в описании атомных частиц «принципиальной неопределенностью». Он рисует дело так, что не только, мол, физик-теоретик, вычисляющий местоположение микрочастицы в пространстве, но и сама эта частица (если бы она могла рассуждать) не может знать в точности, «где она находится»! Ибо у нее якобы «нет вообще» определенного места в пространстве. И если она не имеет определенного места «сейчас», то и подавно не может быть известно, где она «захочет находиться «через минуту»... Полная беспричинность и полная «свобода воли» электрона!

«Физический» идеализм в этом пункте теснейшим образом сомкнулся с поповщиной в биологии. Один из видных западных физиков, фашист П. Иордан, посвятил свой труд «Физика XX века» как раз обоснованию «родства» между «бессмертной и свободной душой электрона» и душой живых «индивидуумов». На эту же тему—о «связи» между генетикой Моргана-Менделя и «квантовыми скачками» молекул — сочинил пространный труд (услужливо переведенный на русский язык) и Эрвин Шредингер...

«Аналогия» между электронами и живыми существами и «освобождение» атомных частиц от пут причинности не могли, однако, завершить программу фидеизма в квантовой физике.

Еще в 90-х годах прошлого столетия над переводом «всей физики» в плоскость суб'ективного идеализма «трудились», как известно, Э. Мах и его друзья. В наше время тем же занимаются Вернер Гейзенберг и Нильс Бор. Повторяя известный (и давно разоблаченный Лениным) махистский маневр, эти теоретики выступают под флагом ревнителей «чистого опыта»! Именно опыт и акт измерения на опыте с помощью **прибора**, вещает Гейзенберг, создают ту «принципиальную» неопределенность в поведении частиц, о которой говорилось выше. Но, с другой стороны, прибор немыслим без **наблюдателя**, приводящего его в действие. И показания прибора неразрывно «координированы» с **ощущениями** наблюдателя. В общем итоге, «...выходит, — как говорил Ленин, — что при помощи комплекса ощущений я (а я тоже не что иное, как комплекс ощущений) ощущаю комплекс ощущений. Прелесть, что за философия!»

Вот эта «прелестная философия» и была торжественно провозглашена 20 лет назад на конгрессе физиков в Комо в качестве «итога» великой научной революции наших дней.

«По квантовому постулату, — заявил тогда Н. Бор, — всякое наблюдение атомных явлений связано с таким взаимодействием последних со средствами наблюдения, которым нельзя пренебречь, и поэтому **невозможно приписать самостоятельную физическую реальность в обычном** смысле как феномену, так и средству наблюдения».

Другими словами, весь атомный мир оказывается целиком и полностью «примысленным» к суб'екту.

В годы 1942—1944 В. Гейзенберг изобретает «характеристическую матрицу рассеяния S», «ликвидировав» заодно основной показатель реальности физической материи — величину **энергии**... Гг. Иордан и Вигнер извещают нас, далее, об «усовершенствовании» ими «метода неопределенностей». «Принципиально неопределенными», видите ли, становятся теперь уже не только скорости и координаты частиц, но и напряжения электрического и магнитного полей. Эддингтон (умерший в 1944 году), жонглируя неким «таинственным числом 137», мастерит, в свою очередь, «мировое уравнение», позволяющее «подсчитать» общее число электронов во всей вселенной. С Эддингтоном соревнуется профессор теоретической физики, — он же настоятель католического собора — Ж. Леметр. Леметр вычисляет при помощи собственных «уравнений» дату «первого дня творения». За это «исследование» он избирается почетным членом Вашингтонской академии наук...

Таков «итог» некоторых последних «достижений» буржуазной теоретической физики. Они говорят о том, что перед нами уже не только попытки идеалистически **истолковать** новые теории и открытия в физике. Перед нами — не только безобидные литературные упражнения на физические темы. Нет! Речь идет теперь о прямой **фальсификации** и о неприкрытой «математической» мистификации атомной физики.

«Все силы мракобесия и реакции поставлены ныне на службу борьбы против марксизма... выверты современных буржуазных атомных физиков приводят их к выводам о «свободе воли» у электрона... Кому же, как не нам—стране победившего марксизма и ее философам, — возглавить борьбу против растленной и гнусной буржуазной идеологии, кому, как не нам, наносить ей сокрушающие удары!»

Эти слова товарища Жданова должны стать боевой программой действия для советских физиков. Но все ли благополучно сегодня на фронте советской физической теории?

ТРУДОВЫЕ УСПЕХИ БУМАЖНИКОВ

КРАСНОКАМСК. (По телеграфу). 18 ноября, в полдень, коллектив Камского целлюлозно-бумажного комбината закончил выполнение годового плана выпуска бумаги и целлюлозы.

За десять месяцев предприятие дало государству 13,3 миллиона рублей сверхплановой прибыли.

ТУНИМАНОВ, директор комбината
РАППОПОРТ, главный инженер
ЛЕБЕДЕВ, парторг ЦК ВКП(б)
ТЮКОВ, председатель фабкома.

***

Коллектив Кондровской целлюлозно-бумажной фабрики выполнил годовой план и сэкономил государству 1.800 тысяч рублей. Кондровцы уже дали стране более 100 вагонов высококачественной бумаги сверх плана. До конца года они решили выработать сверх плана еще сотни тонн бумаги, сэкономить дополнительно 700 тысяч рублей.

Коллектив Кондровской фабрики уже превысил довоенный уровень не только по количеству производимой бумаги, но и по качеству и осваивает ныне выпуск новых сортов беленых бумаг.

И. ПРОНИН,
секретарь партбюро Кондровской целлюлозно-бумажной фабрики.

ЗДРАВООХРАНЕНИЕ НА ЗАВОДЕ

Мастер инструментального цеха автозавода имени Сталина тов. Гущин получил недавно открытку:

«Уважаемый Иван Александрович! Доцент 1-го медицинского института И. М. Фунт, приехавший к нам на завод, хочет побеседовать с вами о состоянии вашего здоровья. Зайдите завтра в 7 часов вечера во Дворец культуры ЗИС...»

Старый кадровик был удивлен — он не болел, чувствовал себя хорошо, но все же пошел. В лектории Дворца культуры он встретил еще нескольких товарищей по работе. Доцент беседовал с ними о гипертонии — повышенном кровяном давлении, о том, как предупредить эту болезнь, какой режим соблюдать...

Персональные приглашения на беседу к врачу постоянно практикуются на автозаводе. Разумеется, для этого цеховой врач должен хорошо знать состояние здоровья работников цеха. Врач не ждет, пока к нему придет человек с жалобой на болезнь. В многотысячном коллективе автозаводцев нет ни одного, который систематически, по заранее определенному плану, не проходил бы медицинского обследования.

На автозаводе имени Сталина действуют 12 цеховых врачебных здравпунктов, оснащенных современной аппаратурой. К услугам рабочих и центральная поликлиника. В ней, помимо общих кабинетов — терапевтического, хирургического, стоматологического,—есть кабинеты ряда узких специальностей — эндокринологии, ревматологии, малярии и т. д. Имеются в поликлинике рентгеноотделение с четырьмя аппаратами, богатая лаборатория с отделением биохимии, электрокардиографы, физиотерапия всех видов.

— Весь этот активный метод наблюдения, выявления больных и профилактика заболеваний, — говорит начальник медсанчасти завода доктор Д. Самородницкий, — это лишь первая часть дела. Дальше идет целый арсенал оздоровительных мероприятий, подкрепленных на заводе многочисленной и разветвленной сетью медицинских учреждений.

Автозавод имени Сталина имеет: четыре цеховых профилактория, две диэтические столовые, санаторий на Рижском взморье, дом отдыха под Москвой, ночные санатории для рабочих, лесную оздоровительную школу, детский санаторий. Недавно при медсанчасти завода создан стационар на 60 коек. В ближайшее время организуются новые профилактории в цехах кузовного корпуса. Строится и будет открыта в нынешнем году заводская грязелечебница...

В сложных случаях медсанчасть, в коллективе которой более ста врачей, привлекает консультантов. На автозаводе имени Сталина в консилиумах участвуют член-корреспондент Академии медицинских наук СССР В. Равич-Щербо, заслуженный деятель науки Я. Диллон, профессоры И. Щербатов, Д. Футер.

Годовой бюджет медсанчасти автозавода имени Сталина составляет 10 миллионов рублей.

БОЛЬШЕ БУМАГИ СТРАНЕ!

Институт, предприятие и министерство

По всей стране восстанавливаются разрушенные гитлеровцами целлюлозно-бумажные комбинаты, строятся новые, модернизируются старые предприятия. Многотысячные кадры ветеранов-бумажников и молодых рабочих дружно и настойчиво добиваются изо дня в день лучшего использования техники, самоотверженно борются за то, чтобы советская бумага была лучшей в мире.

Но передовые люди бумажного производства, смелые его новаторы и рационализаторы, подлинные энтузиасты своего дела, не могут сказать, что встречают достаточную помощь и поддержку со стороны людей науки, со стороны единственного в стране научного учреждения своей отрасли — Центрального научно-исследовательского института бумаги (ЦНИИБ).

За окнами четырех просторных и светлых этажей ЦНИИБ тихо покачиваются густые зеленые кроны деревьев. Недаром район Ленинграда, в котором расположен институт, носит название «Лесное».

Удивительно тихо в институте. Удивительно спокойно. Между тем, из бесед со многими научными сотрудниками, из знакомства с их работами, с характером и условиями деятельности всего института в целом у нас возникло чувство огромного беспокойства, недоумения и острого протеста. Нам думается, что при теперешнем положении вещей любой из работников института, поставивший перед собой вопрос: отвечает ли работа ЦНИИБ насущным интересам бумажного производства,—вынужден будет притти к тяжелому выводу: нет, не отвечает!

***

Институт не борется за то, чтобы расширить тематику своих работ. В многочисленных лабораториях института, на полках и в шкафах сложены, как экспонаты в музее, десятки законченных работ, подавляющее большинство которых не реализовано на предприятиях, не получило практического подтверждения своей состоятельности.

Чем это об'яснить? То ли работы эти не представляют практической ценности, то ли сами работники института не заинтересованы в осуществлении своих замыслов?

Нет, причина тут совсем иная.

Для того, чтобы институт мог отвечать своему назначению, он обязательно должен быть непосредственно связан с практикой. Только в производственной обстановке можно проверить любое научное достижение. Невероятно, но факт, и факт очень печальный, то, что **базы для такой проверки у института никогда не было и нет до сих пор.**

Нам могут возразить: плохо, конечно, что у института нет своей экспериментальной базы, но ведь любое предприятие к его услугам — экспериментируй, проверяй! В теории это, может быть, и так, но на практике получается иное. Каждое предприятие имеет свой план, свой производственный режим и, как правило, не соглашается нарушить их опытами, результаты которых гадательны. Могут спросить: а как же министерство? Ведь оно может приказать произвести проверку предложенного институтом новшества — не так ли?

Справедливость требует отметить, что министерство не проявляет настойчивости при внедрении в производство разработанных институтом методов. За примерами дело не станет. Их более чем достаточно.

Еще в июле 1946 года институт предложил ленинградской фабрике имени Горького организовать по новому методу производство дешевого высокосмолистого клея. Следует отметить, что бумажная промышленность в целом кровно заинтересована в получении такого клея. Институт долго взывал, но фабрика не откликалась.

Тогда институт поставил этот вопрос перед министерством. Завязалась длительная переписка, благо бумага своя и ее много. Только через два года (!), в мае 1948 года, установка была пущена в ход. Клей получился прекрасного качества. Казалось, чего же больше? Надо внедрять эту установку в большом масштабе.

Но мало того, что два года ушло на переписку. И поныне установка используется меньше чем наполовину.

В том же 1946 году институт разработал технологию изготовления строительных плит из отходов бумажных фабрик и лесопильных заводов. Высококачественные плиты могли бы широко применяться на строительных работах, заменяя дефицитное дерево, кирпич, кровлю. И в этом случае прошло два года, пока приступили к делу.

В орбиту деятельности института не входят такие жизненно важные темы, как вопросы механизации, рационализации, обобщение производственных достижений стахановцев. Не видно в тематическом плане вопросов работы так называемых «лесных бирж» и рейдов, проблем правильной постановки ремонта оборудования, его модернизации, разработки новой технологии бумагоделательных машин и многого другого, мимо чего никак не должен был пройти подлинный научный центр бумажной промышленности.

***

Мы решили познакомиться с сектором экономических исследований, возглавляемым тов. В. Наумовым. На большинстве целлюлозных и бумажных предприятий далеко не все благополучно с себестоимостью продукции, с организацией труда, выполнением норм выработки, экономией пара, электричества, сырья и т. д.

Перед работниками сектора экономических исследований был непочатый край работы! Однако сектор занимается сугубо отвлеченными схоластическими исследованиями. Его работники проходят мимо интересных, принципиально новых явлений на производстве, дающих богатый материал для обобщений. На Соликамском целлюлозно-бумажном комбинате заведующий лесной биржей тов. Королев рационализировал работу на рейде и в биржевом хозяйстве. В результате этой рационализации высвободилось значительное число рабочих.

Кому, как не работникам института, следовало бы подхватить ценную инициативу рационализатора Королева, изучить его опыт, научно обосновать его достижения и распространить их на другие предприятия?

На многих комбинатах в первом полугодии происходили производственно-технические конференции. Там было выдвинуто много важных, интересных предложений. Сектор экономических исследований не изучил материалов конференций. Он их просто не заметил.

***

Позволительно задать вопрос: долго ли еще намерено министерство мириться с отставанием научной работы в бумажной промышленности? Может быть, министерство не доверяет институту? Это было бы неправильно. У института есть ряд научных достижений. Мы видели в его лабораториях и кабинетах подлинных энтузиастов своего дела. Институт по праву гордится своими лауреатами Сталинских премий. Но это успех небольшой группы работников.

Оставив институт без опытной базы, министерство обязано было обеспечить по крайней мере создание экспериментальных установок на фабриках. В свое время министерство издало специальный приказ по этому поводу, но большинство предприятий не выполняет его, ссылаясь на отсутствие средств для исследовательской работы.

Пора уже Министерству лесной и бумажной промышленности всерьез заняться своим институтом, уделить ему необходимое внимание. Институт надо вывести из закоулка на магистраль пятилетки. Надо направить по верному пути работу института, предоставив людей и средства, создав экспериментальную базу, чтобы работники предприятий целлюлозно-бумажной промышленности почувствовали великое значение связи науки и производства.

Бригада Союза советских писателей и «Литературной газеты»:
П. ДАЛЕЦКИЙ, А. РАСКИН, М. АМШИНСКИЙ.

ЮБИЛЕЙ ПЕРВОЙ МТС

1927 год. С трибуны XV с'езда ВКП(б) товарищ Сталин выступает с политическим отчетом ЦК. Вождь народа зачитывает с'езду письмо крестьян Одесского района, переселенцев хуторов им. Шевченко, Красина, Калинина, «Червона зирка» и «Восходящее солнце».

В этом письме крестьяне благодарили советскую власть за ту огромную помощь, которая была им оказана в восстановлении хозяйства. Бедняки-крестьяне не могли обработать отведенную им землю и вынуждены были сдавать ее в аренду кулакам.

Тогда совхоз имени Шевченко обработал тракторами земли переселенцев.

Крестьяне писали:

«Теперь у нас нет ни одной десятины земли, не поднятой или сданной в аренду. У нас нет ни одного бедняка, который не имел бы несколько десятин озимой пшеницы по пару. После той работы тракторов, какую мы видели, не хотим больше вести бедняцкое мелкое хозяйство, **а решили организовать обобществленное тракторное хозяйство, в котором не будет отдельных крестьянских клочков посевов. Организацию для нас тракторного хозяйства взял уже на себя совхоз им. Тараса Шевченко, с которым мы заключили договор».**

Так, десять малосильных «фордзонов», которыми в то время располагал совхоз, произвели коренное изменение в жизни крестьян.

В 1928 году совхоз был преобразован в машинно-тракторную станцию. Это была первая МТС страны.

Прошло 20 лет. За эти годы в украинской степи, на месте бывшей помещичьей усадьбы, возник целый город с мастерскими, электрической станцией, клубом, амбулаторией, одноэтажными и двухэтажными каменными домами для рабочих и служащих. Усадьба МТС утопает в зелени; на 65 гектарах раскинулся фруктовый сад. Станция располагает мощным тракторным парком и двадцатью пятью комбайнами.

Шевченковская МТС сыграла большую роль в под'еме плодородия почвы. В районах, подверженных суховею, она помогла 23 колхозам завести пруды, создать 570 гектаров лесозащитных полос. Часть артелей произвела нарезку травопольных севооборотов. Это дало возможность в 1948 году собрать по всем колхозам, обслуживаемым ныне Шевченковской МТС, свыше 100 пудов зерна с каждого гектара.

Корреспондент «Литературной газеты» связался по телефону с Шевченковской МТС и попросил ее директора Петра Алексеевича Панкова рассказать, как коллектив станции отмечает юбилей.

— 21 ноября, — сказал тов. Панков, — на торжественное заседание соберутся трактористы, комбайнеры, шоферы, рабочие и служащие станции, с'едутся представители колхозов и научных учреждений.

20 лет назад Шевченковская МТС была образцом, по которому во всей стране создавались машинно-тракторные станции. Сейчас, по решению правительства, мы стали опорно-показательной МТС. К нашей станции прикреплен Всесоюзный селекционно-генетический институт имени Лысенко. При МТС создан ученый совет. В него входят работники станции, ученые, мастера колхозного производства.

— Мы должны, — сказал в заключение тов. Панков, — разработать научную основу дальнейшего развития колхозного хозяйства. С помощью ученых будет проведено почвенное исследование и в каждом колхозе составлена почвенная карта. Когда выявятся все резервы обрабатываемых нами земель, в каждом колхозе будет составлен перспективный план развития.

Проф. М. БАСКИН

Англо-американский расизм

В свое время фашистские мракобесы в Германии об'явили своим «ближайшим предшественником» английского расиста Х. Чемберлена, провозгласившего приоритет «северной расы» над свободолюбивым человечеством. В наши дни англо-американские империалисты развивают «теории» нацистских мракобесов — Геббельса, Розенберга и К°. В США усиленно распространяются идеи Кофлина, бывшего, как известно, прямым агентом Гитлера и предлагавшего еще 13 лет назад проводить в Америке расовую политику по «германскому образцу».

В период второй мировой войны друзья Кофлина временно ушли в «подполье» — они были заняты прямой шпионской деятельностью в пользу нацизма. Сейчас они снова вылезли на поверхность и открыто призывают к мировой гегемонии «стопроцентных американцев».

Прямой выученик гитлеровских расистов Вандузен твердит в журнале «Лайф» о «праве» американцев на захват мира. С точки зрения Вандузена, все население земного шара представляет собою низшую расу, пригодную лишь для безоговорочного служения американским банкирам и промышленникам.

Некоторые американские социологи — Фрезер, Уорнер, Паудермекер и многие другие — специально занимаются негритянской проблемой. Они стремятся во что бы то ни стало доказать, что дискриминация негров в США диктуется «извечными законами природы». С этой целью американские мракобесы обращаются к реакционным догмам лжебиологии Вейсмана, Менделя и Моргана и уверяют, что бессмертное наследственное вещество, заложенное в негритянской расе, неизбежно должно делать ее ленивой, не способной к умственному труду, жестокой, а потому не достойной лучшей участи, чем та, которая ей уготована в Америке.

Один из американских «специалистов» по негритянскому вопросу Джон Берма занимается «научными» подсчетами того, какого количества негритянской крови достаточно для причисления гражданина США к негритянской расе. По «компетентному» утверждению Джона Берма, человек с $^1/_{64}$ частью негритянской крови уже должен быть признан принадлежащим к низшей расе.

Социолог Дей интересуется расовыми особенностями людей с «полунегритянской кровью».

Под знаком расизма выступают в США и представители так называемой «академической» науки, например социологи Богардус и Бернард. Прикрываясь псевдодемократическими фразами, сопровождая для большей «научности» свои совершенно фантастические и нелепые утверждения «статистическими выкладками», Бернард и Богардус всячески доказывают «превосходство» белой расы над негритянской, а также американцев над французами, итальянцами, шведами, испанцами и т. д.

Пропагандой расизма занимаются в Америке не только такие открыто бандитские организации, как Ку-клукс-клан. Расистская доктрина в США пользуется официальным покровительством и получает массовое распространение. Ее поддерживают обе основные партии американской буржуазии—демократическая и республиканская. На стороне расизма — крупнейшие промышленные и финансовые корпорации США. В пользу расизма письменно и устно выступают прожженные политические дельцы США, пытающиеся осуществить «план Маршалла», план закабаления Европы и всего мира американским финансовым капиталом. Новейший американский расизм и является идеологическим обоснованием «плана Маршалла».

О распространении расизма в Америке свидетельствует хотя бы такой факт, как провозглашение еще в 1941 году одним из республиканских лидеров и главой богатейшей журнальной корпорации США Генри Люсом расистского лозунга: «XX век—век Америки». Этот лозунг означает призыв американских империалистов к утверждению американского господства во всех странах. Подобно тому, как Гитлер об'являл немцев расой господ, так, с точки зрения Генри Люса, расой господ могут быть лишь лица, говорящие на английском языке. И Генри Люс отнюдь не посажен в тюрьму за пропаганду своих человеконенавистнических идей. Наоборот, распространением его «доктрины» занимается журнал «Тайм», выходящий еженедельно огромным тиражом и широко распространяемый за границей.

Один из виднейших журналистов и политических дельцов США Джордж Уэллер выпустил специальный «труд» под названием «Заморские базы», в котором, пропагандируя гитлеровскую лженауку, известную под названием «геополитики», требует «жизненного пространства» для американского финансового капитала. Тот же Уэллер об'являет руководящим законом истории борьбу высших и низших рас и призывает американских империалистов «не считаться ни с какими традициями» для реализации своих захватнических планов.

Все народы, помимо американцев, третируются новыми расистами, как неполноценные люди, не способные понять простую и очевидную, с точки зрения американских апологетов империализма, истину, что только эксплоататорский строй имеет право на существование.

Вот почему американские расисты вопят о «неполноценности» восточных народов. Вот почему они с пеной у рта говорят о странах новой народной демократии, о трудящихся Болгарии, Румынии, Польши и других стран, решивших раз и навсегда покончить со своими «отечественными» эксплоататорами и империалистами. Как не об'явить низшей расой румын, если они не захотели, чтобы румынская нефть принадлежала американским нефтяным компаниям! Как не превратить придунайские страны в страны низшего сорта, если народы этих стран не захотели, чтобы их водные пути находились в руках иностранных экспансионистов! В этом корень расистской пропаганды в США. В этом корень той ненависти, которую питают реакционные американские ученые к передовой советской науке, непримиримо относящейся ко всякого рода расистской пропаганде.

Американские расисты пытаются распространять свою гнусную человеконенавистническую доктрину и среди молодого поколения США. Поэтому школа в Америке превращена в один из рассадников расизма. Когда-то пресловутый губернатор штата Джорджия Толмедж провел у себя чистку учителей, увольняя всех противников расизма и ставя на их место воинствующих мракобесов и националистов. В наши дни политика Толмеджа осуществляется в большинстве штатов США.

Передовые педагоги без стеснения выбрасываются на улицу и заменяются явными или скрытыми расистами. Фактически все воспитание американской молодежи подчинено лозунгу: «Америка превыше всего».

Американские фашисты об'являют низшей расой не только представителей других народов; они, подобно своим гитлеровским учителям, причисляют к низшей расе и своих «собственных» рабочих. В Соединенных Штатах Америки выходит бесчисленное количество книг, посвященных «умственному расстройству у рабочих», «неспособности рабочих играть руководящую роль в обществе» и т. д. Психически полноценными людьми об'являются только правящие группы США, т. е. банкиры, промышленники, руководители американской политики, духовенство, реакционная профессура. Американский народ третируется, как бессловесная и бессмысленная толпа, не способная ни к какой конструктивной деятельности.

Эти «теории» пользуются в США официальным признанием. Да и как может быть иначе! Ведь смысл долларовой демократии как раз в том и заключается, чтобы лишить народные массы фактического права управлять страной.

Вот почему в качестве пропагандиста расистской ненависти к трудящимся выступает не кто иной, как один из главных «фюреров» американской реакции—Герберт Гувер, написавший «теоретическую» работу «Американский индивидуализм». В этой работе об'является полноценной только личность банкира, плутократа, прожженного дельца; народная масса рассматривается как собрание нулей, как нечто «бессмысленное», неуравновешенное, движимое грубыми «животными инстинктами». Американские расисты не всех рабочих об'являют низшей расой; они готовы сделать некоторые исключения. Они готовы признать полноценными людьми реакционных руководителей американских профсоюзов, например, Грина. Они проливают слезы, занимаясь воспоминаниями о бывшем лидере реакционного американского профдвижения Самуиле Гомперсе. Они признают расово полноценными и правых социалистов; приветствуют реакционную политику деятелей английского лейборизма, восхваляют расовые достоинства своего агента в Германии Шумахера.

Не отстают от своих американских коллег по мракобесию и английские расисты. Речь идет не только об открытых фашистах типа Мосли, сторонники которого аргументируют свое расовое превосходство при помощи битья стекол в еврейских квартирах. Речь идет о расистах в «белых перчатках»—об Уинстоне Черчилле, который, несмотря на свой престарелый возраст, с большим задором продолжает на разные лады твердить о необходимости мировой гегемонии англо-саксов.

Вслед за Черчиллем пропаганду расизма ведут такие «столпы» реакционной английской философии и социологии, как пресловутый Бертран Рессель, доказывающий, что сама природа сделала Англию руководительницей огромной колониальной империи. По мнению Ресселя, англо-американский империализм осуществляет особую, прогрессивную расовую миссию среди колониальных народов.

Другой британский «философ», бывший глава южно-африканского правительства, фельдмаршал Смэтс видит в расизме и расовой дискриминации проявление особой «духовной сущности». Он создает даже специальную философию—«холизм», философию, являющуюся апологией международной реакции и ее захватнических империалистических планов.

Явно расистский характер носят выступления английского социолога и историка профессора Тоинби, который в духе идей Гитлера и Розенберга стремится превратить всю историю человечества в историю замкнутых национальных и расовых единиц, взаимно поедающих друг друга. Тоинби не признает дружбы между народами, считает ее чем-то патологическим и сверхестественным. Для него самой нормальной является политика разжигания расовой и национальной ненависти. Расовая «концепция» Тоинби есть не что иное, как переведенная на «теоретический» язык политическая практика английских капиталистов.

Большой популярностью пользуется в Англии расистская книга Эдуарда Григга, посвященная британской внешней политике. Основной лейтмотив ее—утверждение руководящей роли Англии в Европе. С точки зрения Эдуарда Григга, французы, итальянцы, болгары, румыны и т. д. должны признать руководящую роль англо-саксов. Неанглийские народы Европы, по мнению Григга, не способны на самостоятельное экономическое и политическое существование.

Американские и английские расисты рассматривают буржуазную демократию как нечто вечное, связанное с расовыми чертами англичан и американцев. Они не признают национального суверенитета народов, не говорящих на английском языке.

Поистине, еще никогда буржуазная культура не переживала такого падения, как в наши дни, когда расовое мракобесие сделалось в странах империализма официальной доктриной.

В. ЕРМИЛОВ

За боевую теорию литературы!

4. ПРЕКРАСНОЕ—ЭТО НАША ЖИЗНЬ!

«Его неудержимо влекло желание действовать, бороться, захватывала та полнота жизни, которую можно назвать счастьем». Эти слова, относящиеся к одному из героев романа «Далеко от Москвы» В. Ажаева, можно было бы поставить эпиграфом к роману. Они характеризуют всю художественную атмосферу произведения, его главную тему. Чувство радости жизни, чувство счастья герои романа испытывают от полноты проявления своих лучших творческих сил в созидательном, вдохновенном труде.

Маркс писал, что «в исторических формах труда, как рабского, барщинного, наемного, труд всегда отталкивает, всегда является трудом по внешнему принуждению, а в противоположность ему нетруд—«свободой и счастьем». Это верно в двух отношениях: в том отношении, что это антагонистический труд; и, что связано с этим, в том отношении, что это труд, который еще не создал себе условий, суб'ективных и об'ективных, для того, чтобы он был привлекательным трудом, самоосуществлением индивида, что отнюдь не означает, что такой труд — простая забава, простое удовольствие, как это крайне наивно, применительно к понятиям парижской гризетки понимает Фурье. Действительно, свободный труд, например, труд композитора, есть вместе с тем дьявольски серьезное дело, интенсивнейшее напряжение. Труд материального производства может получить этот характер лишь тем, что 1) дан его общественный характер, 2) что он имеет научный характер, что он есть одновременно с этим всеобщий труд, напряжение человека не как определенным образом дрессированной силы природы, а как суб'екта, который в процессе производства выступает не в чисто природной, естественно выросшей форме, а в качестве деятельности, управляющей всеми силами природы».[1]

Для экономиста, социолога, историка, философа это гениальное предсказание Маркса имеет огромный, — для каждого свой особый, — интерес. Для художников, критиков, теоретиков социалистической эстетики особенно важное значение имеет мысль Маркса о том, что труд материального производства в социалистическом обществе станет—по своему творческому характеру, по глубине, интенсивности и полноте духовного самоосуществления личности—равным труду композитора, художника. Он будет давать и столь же полное интеллектуальное и эстетическое удовлетворение — станет музыкальным, поэтическим.

В повести Георгия Гулиа «Весна в Сакене» колхозный бригадир, фронтовик Кесоу перед началом весенних работ произносит небольшую речь:

«Товарищи, — говорит он, — мы выходим в поле. Большое событие. А почему большое? Разве до нас не пахали, не сеяли? И сеяли и пахали. Но мы будем бороться за необыкновенный урожай, мы выходим в поле с желанием показать нечто новое...» В самом деле, сотни и тысячи лет «до нас» люди выходили в поле сеять и пахать, и это не было никаким событием. А в далеком Сакене, отделенном со всех сторон от мира грозными перевалами, бурными реками, крутыми отрогами Кавказского хребта, в этом маленьком Сакене, лепящемся, как орлиное гнездо, высоко-высоко в горах, — выход в поле стал торжественным событием, волнующим души людей, — нето как перед большим праздником, нето как перед боем. Желание «показать нечто новое», совершить подвиг творчества — то же самое стремление к полноте «самоосуществления» — к полноте счастья всех и каждого, вдохновляющее труд людей далеко от Москвы — на Дальнем Востоке,—воодушевляет людей и здесь, в маленьком Сакене,—тоже, казалось бы, очень далеко и от Москвы, и от всего мира.

Поэтическая прелесть этой маленькой повести талантливого абхазского писателя, ее тонкое, озорное лукавство, которым она проникнута от первой до последней строки, заключается именно в парадоксальном контрасте между почти неправдоподобной, исключительной по своим природным условиям, — по невероятной географической изолированности, — отдаленностью Сакена от всех и всего, и единством той жизни, которою живут сакенцы, со всею жизнью страны. В этом заключается и источник светлого юмора повести. И во вступлении, напоминающем по своим интонациям лукаво-скромные речи пасечника с «хутора близ Диканьки», и далее, в ходе повествования,—какими только словами автор ни «чернит» свой родной Сакен! И «проклятый»-то он, этот чортов Сакен, и стыдно-то за него автору, — в самом деле, глушь-то какая! — и неизвестно, каким образом, еще в незапамятные времена, забрел сюда человек, и что его потянуло, и недоступный он, Сакен, и пишет-то о нем, об этом Сакене, автор только потому, что он тут родился, — так уж и быть!.. Но за всеми этими ворчливыми словами мы чувствуем такую страстную любовь к Сакену и сакенцам, такую, одновременно и сыновнюю, и отцовскую нежность к нему и к его людям, такую гордость за него и за них, что нам становится ясным лукавство всех этих нежных «поношений».

Эта гордость оказывается чувством неизмеримо более широким, чем только гордость за свой Сакен: это одновременно и гордость за великую родину, для которой Сакен такой же родной и близкий, как и для автора повести, — за родину, по-матерински заботящуюся о Сакене, сумевшую из сакенцев, когда-то полудиких, всеми забытых и заброшенных, сделать сознательных, грамотных, смелых, с широким кругозором, инициаторов больших созидательных дел, имеющих значение для всей Абхазии, — сумела воспитать из них строителей коммунизма, жадно впитывающих знания, культуру, с каждым днем поднимающихся на все более высокие ступени духовного роста. Оказывается, что «отрезанные» от всего мира сакенцы живут жизнью всего мира; они горячо обсуждают борьбу в Индонезии, политику империалистических поджигателей войны. Нельзя без волнения читать прекрасную сцену, где рассказано, как сакенцы обсуждают решения февральского Пленума Центрального Комитета партии и делают из них практические выводы для себя. Братское единство всех народов Союза во всепобеждающем свободном труде, так ясно ощутимое и в этой сцене и во всей повести Георгия Гулиа, и делает «Весну в Сакене» значительной, нужной читателям всех братских народов.

В крошечной частичке, в этом «особенном и отдельном» (поистине, как будто совершенно «особенном» и совершенно «отдельном», ни на что другое не похожем!) проявляется великое общее, законы нашей жизни, ее пафос, ее стремительное движение вперед, к коммунизму. Так повесть о Сакене становится повестью о нашем Союзе, о законах дружбы и братства всех советских народов. Чем сильнее подчеркивает автор исключительность, необычность Сакена, тем сильнее мы чувствуем его включенность во всю жизнь родины. Вот в этой-то переплетенности своеобразия с единством и заключается тема повести.

Большая, — «больше, чем колесо арбы», — луна освещает летней ночью Сакен. «Вдруг где-то в кустах запела тоненьким голоском неведомая пташка. Было очень странно: такой огромный мир—и такой маленький, но хорошо слышный в этом мире голосок».

Это и есть поэтический образ Сакена, такого маленького в огромном мире Союза республик, но чья песня хорошо слышна в этом великом мире. Однако этот образ—только одна из граней большого поэтического образа Сакена. Есть и другая грань: «Наша страна неприступна, как Сакен!» — говорит Кесоу. Гордый и неприступный, как крепость, Сакен становится образом могучего, грозного для врагов, величественно-сурового в своей неприступности, Союза Советских Республик. И это делает еще более ясной тему единства маленького и скромного Сакена со всей Родиной.

Такова поэзия жизни нашей социалистической Родины, такова ее романтика. Какая буржуазная страна может предоставить художнику такой поэтический потенциал, такие художественные темы и образы? И разве не кажется, в сравнении с этой величественной романтикой, маленьким и «провинциальным» весь романтизм старого типа, тот романтизм, который служил «дополнением» к прозаической действительности?

Утверждение красоты нашей жизни является, в переводе с языка эстетики на язык политики, утверждением советского патриотизма, славного братства и дружбы народов, руководящей исторической роли партии большевиков, величия социалистического труда, социалистического соревнования, — этого коммунистического метода строительства социализма,—утверждением морально-политического единства народа, иными словами: большевистской партийностью нашей литературы.

Советские литераторы испытали чувство радости и гордости тем, что их работа получила высокое признание в докладе товарища В. М. Молотова. Эта оценка обязывает наших писателей проникнуть еще глубже в нашу жизнь.

Перед литературой стоит задача создать произведения, рисующие нашу сегодняшнюю, послевоенную жизнь, творческий размах сталинской пятилетки, трудовые подвиги советских людей. У нас еще нет произведений, которые можно было бы назвать «Цементом» или «Танкером «Дербентом» нашего времени, — произведений, которые отразили бы социалистическое соревнование в наши дни, новое в стахановском движении, новый облик рабочего класса, убыстрение процесса стирания граней между физическим и умственным трудом — процесса, столь характерного для нашего послевоенного строительства. Успехи нашей литературы пока еще связаны, главным образом, с темами Великой Отечественной войны, за исключением таких произведений, как «Кавалер Золотой Звезды», «Весна в Сакене» и некоторые другие. Но и темы Отечественной войны должны решаться в органической связи с переживаемым страной историческим периодом.

Чем серьезнее заслуги и успехи советской литературы в деле коммунистического воспитания народа, в раскрытии идейного смысла событий современности и работы людей советской эпохи, тем глубже отдают себе отчет литераторы в том, какое еще множество поэтически не «освоенных» ими образов, тем, сторон нашей действительности ждет своего воплощения.

Теория литературы, социалистическая эстетика только тогда и будет заслуживать названия теории, науки, когда она станет активной творческой силой, помогающей художникам находить и раскрывать поэтические, романтические возможности и законы нашей живой социалистической действительности. Для этого наш теоретический литературный отряд должен помочь Союзу советских писателей и его руководству по-новому построить свою работу. В центре всей жизни и работы Союза писателей должно стать коллективное художественное изучение нашей сложной, разнообразной, быстро движущейся и изменяющейся действительности.

Союз писателей, его органы, многочисленные секции и комиссии до сих пор еще не играют активной, действенной роли во все более тесном и глубоком сближении литераторов с современностью. Между тем, все лучшие наши писатели сознают необходимость коллективных форм глубокого, систематического писательского изучения процессов живой действительности. В одном из своих выступлений (еще в 1946 году) тов. А. Фадеев подчеркнул, что «все дело в том, чтобы коллективным творческим разумом натолкнуть художника на тему, помочь ему лучше увидеть ее и лучше осуществить в искусстве».

Леонид Леонов призывал писателей к совместному глубокому продумыванию и изучению новых проблем, встающих перед нашей литературой и эстетикой. «Давайте искать это новое... в практике нашей повседневной работы. Давайте обсудим это сообща: есть такие высоты, которые не берутся в одиночку... Клады всех будущих тем и вдохновений будут отныне заключаться... в той обширной стране будущего, владыкой которой является Труд, прекрасный человеческий труд, преобразующий лицо мира... Автор вынужден будет последовать за ним (своим героем. — **В. Е.**) в цех, в лабораторию, на леса великой стройки. Он обязан поэтому... знать его профессию, которая является приводным ремнем, соединяющим его со всей социальной машиной...

Работа наша становится, таким образом, бесконечно емкой, и я вижу в этом неизмеримое обогащение средств нашего искусства, что выразится прежде всего в рождении новых красок и форм, ситуаций и мелодий, неизвестных вчерашнему художнику».

Никогда еще перед художниками не было столь сложной, богатой, динамической действительности, и поэтому никогда еще не ощущалась с такой остротой необходимость коллективного писательского разума для творческого постижения действительности.

Именно коллективное художественное изучение социалистической действительности имел в виду Горький, об'единяя литераторов вокруг таких своих начинаний, как «Люди двух пятилеток». Горький хотел поставить дело писательского изучения жизни, нового в ней на серьезную, глубокую, научно прочную основу. Горький учил писателей и критиков глубоко продумывать факты жизни, обобщать их, «переводя» в категории эстетики и в живые образы художественного творчества. Он исходил из того, что по своей основательности художественное изучение действительности должно не только не уступать научному, но и представлять собою сочетание методов искусства и методов науки. Об этом мечтал еще Чехов, у которого есть интереснейшие замечания о родстве научного и художественного мышления и об их будущем синтезе. Этот синтез, указывал Чехов, представит собою в будущем ни с чем не сравнимую силу.

У каждого значительного писателя есть большая или меньшая степень научности в характере его изучения действительности. Коллективное изучение жизни в наше время, несомненно, должно представить собою синтез научного и художественного большевистского, партийного мышления. Горький хотел, чтобы Союз писателей стал центром такого научно-художественного, партийного изучения жизни, он хотел перестроить соответствующим образом всю работу, всю жизнь наших литературных организаций. Это писательское изучение действительности должно, по мысли Горького, вестись в постоянном и деловом теснейшем творческом единстве со специалистами, учеными и практиками самых различных областей нашего строительства. Работа литераторов по созданию сборников «Люди двух пятилеток» интересовала Горького не только с точки зрения выпуска этих сборников, но, прежде всего, с той точки зрения, что эта работа содействовала воспитанию у литераторов навыков пристального, внимательного изучения жизни, людей, их отношений в труде, обогащала живыми впечатлениями, наблюдениями, стимулировала появление художественных произведений, улавливающих новое в нашей действительности. Горький хотел, чтобы творческие дискуссии на литературные темы стали действительно творческими, чтобы литераторы обсуждали вопросы литературы и как вопросы мастерства, и как вопросы живой жизни, спорили, со знанием дела, о том, что именно является главным, действительно характерным в том или другом конкретном факте, явлении, процессе строительства коммунизма, каков его поэтический эквивалент, его подлинная художественная тема, какие изобразительные средства наиболее подходят для раскрытия этой темы.

Союз писателей должен на новой основе возродить эти горьковские традиции сближения литературы с действительностью, идейно-политического воспитания литераторов. Только это может вдохнуть подлинно новую и подлинно творческую жизнь в работу секций, комиссий, всех органов Союза писателей.

Союз писателей должен стать своеобразным научно-художественным исследовательским центром, работающим в постоянном деловом контакте с различными научными институтами, министерствами, общественными организациями, заводами, колхозами,—центром, ведущим свою исследовательскую работу по плану, разрабатываемому секретариатом Союза совместно с творческими секциями и литературно-художественными журналами.

Мы получим мощный творческий стимул для создания новых произведений, кровно связанных с борьбой за сталинские пятилетки, с жизненными проблемами строительства коммунизма. Литературная среда явится настоящим идейно-творческим фактором для литераторов, и новые писатели, входя в эту среду, не будут уже терять то самое важное, с чем они входят в литературу и что нередко утрачивают, становясь профессионалами: горячее, трепетное знание нашей действительности. И тогда уже не будет возможности для появления оторванных от жизни, схоластических, лжеромантических и иных абстрактных теоретических построений. Литература и ее теория все более активно будут вторгаться во все стороны нашей жизни, тем глубже раскрывая ее героическую революционную романтику, чем основательнее будет знание всей реальной повседневности, величественных будней социалистического труда, преобразующего мир под вдохновенным руководством партии Ленина—Сталина.

Окончание. См. «Литературную газету» №№ 91 и 92.

[1] К. Маркс. «Основы критики политической экономии», рукопись 1857—1858 годов.

Жанис ЗУЙМАЧ,

лауреат Сталинской премии, депутат Верховного Совета Латвийской ССР

ПРАВО НА ТРУД

Я перелистываю пожелтевшие газеты буржуазной Латвии. Афишным шрифтом набраны кричащие заголовки первых полос: «Новая партия английских товаров». «Лучшие французские вина Бордо. Их пьет Жозефина Беккер — известная танцовщица».

А на последних страницах—об'явления:

«Молодой человек с хорошими рекомендациями, честный, из порядочной семьи ищет работу. Согласен на любые условия».

«Двадцатилетний юноша, имеющий престарелых больных родителей, согласен выполнять черную работу. Обладает хорошим здоровьем».

«Девушка, окончившая гимназию, знает французский, немецкий, английский языки, готова быть няней, прислугой. Умеет красиво вышивать».

«Безработная молодая учительница ищет место в семье. Может выполнять разнообразную домашнюю работу. Знает хорошо кулинарию».

Такими об'явлениями пестрели последние полосы всех газет буржуазной Латвии. Только за одну неделю, с 1 по 8 декабря 1936 года, в газете «Яунакас Зиняс» было напечатано 257 об'явлений, кричащих о куске хлеба.

Я листаю газетные страницы. Среди восторженных отчетов о смотре домашних собак в салоне госпожи Гертруды Ленесман, о выступлении президента Ульманиса па собрании помещиков-землевладельцев и других подобных материалов нахожу сообщения о самоубийстве юношей и девушек, отчаявшихся найти работу.

«Вчера днем в одном из коридоров главного здания Латвийского университета пытался покончить самоубийством 28-летний студент экономического факультета Рихард Лакстигала... Выяснилось, что студент жил со своими родителями — рабочими и в последнее время, не имея никакого заработка, сильно нуждался».

«В помещении «Ресурса» состоялось собрание безработных инженеров и техников. Инженер Лездынь доложил, что из 10 тысяч инженеров и техников Латвии 30 процентов не имеют работы».

Перечитывая эти бесстрастные скупые информации, я удивленно спрашиваю себя: «Неужели мы так жили?» Этот вопрос меня смешит. «Ах, Жанис, Жанис, неужели ты забыл, как ты и твои братья Карл и Роберт, три здоровенных парня, три умелых стекольщика, бродили безработными по улицам Риги? Ты забыл, Жанис, как часами простаивал на мосту, глядя на плавное течение Даугавы, размышляя о смерти? Ты забыл свой голод и страх перед наступлением зимы?»

Нет, этого я не забыл.

Доступ к знаниям для широких масс трудящихся был закрыт. Право на образование, культуру и науку было в буржуазной Латвии правом имущих классов, но не народных масс. Сын рабочего или сын батрака не мог учиться из-за большой платы, из-за отсутствия у семьи средств на жизнь. Больше того, не каждый мог учиться даже в начальной школе. По официальной статистике буржуазной Латвии, основанной на переписи 1935 года, 11.2 процента населения Латвии в возрасте старше 10 лет было неграмотным.

Латышская писательница Анна Саксе в рассказе «Непрожитая жизнь» ярко и убедительно показала судьбу девушки ульманисовской Латвии.

Безработица, бесперспективность, голод, страх перед завтрашним днем толкали некоторых юношей и девушек, не сумевших сопротивляться жизни, господствующему буржуазному классу, к бродяжничеству, воровству, проституции.

Но такие нечеловеческие условия существования рождали и активный протест у передовой трудовой молодежи Латвии. Гнев и ненависть подымались в сердцах юных героев, руководимых подпольными коммунистическими организациями. Мы знали — есть Советский Союз, есть большевистская партия, есть Сталин. Недаром у комсомольцев Риги был пароль: «Есть на свете Москва».

В Латвии широко известны славные имена валмиерских комсомольцев—Смилтениса, Марты Менде, Гайлиса, Пуриньша Унманиса—пламенных борцов за коммунизм, погибших в схватках с белогвардейской контрреволюцией. Это словно о них сказал Ян Райнис — гордость латышской литературы: «Сразить можно героя и жизнь отнять, но вечно будет его подвиг сиять».

Это правда. Подвиг комсомольцев-подпольщиков, воспитанных коммунистическими организациями, звал пролетарскую молодежь Латвии на борьбу. И она шла за Советским Союзом, за большевистской партией, за комсомолом.

21 июля 1940 года по праву считается исторической датой в жизни латышского народа. В этот день волей народа в Латвии была провозглашена советская власть. Ненавистный трудящимся массам ульманисовский режим рухнул. Независимость латвийского народа, его национальная свобода, будущее его молодежи были спасены советской властью.

Трудящиеся Латвии стали свободно дышать. Появилась работа, раскрылись двери учебных заведений, исчезла неуверенность в завтрашнем дне. Пройдя суровую школу борьбы в годы Великой Отечественной войны, граждане Советской Латвии трудятся сегодня с вдохновением, осуществляя в четыре года грандиозный сталинский пятилетний план.

Вот несколько убедительных цифр: встречая славный юбилей комсомола, 10 тысяч молодых стахановцев фабрик и заводов Риги систематически давали сверх плана две-три нормы. 23 тысячи молодых рабочих уже закончили свой годовой план.

Глядя на молодых рабочих сегодняшней Латвии, я вспоминаю свою юность и юность моих братьев Карла и Роберта. Работая на стекольном заводе, мы боялись выполнять больше установленной хозяином нормы. Иначе нам сразу же снизили бы зарплату. Мы работали равнодушно, сознавая, что трудимся на хозяина, на капиталиста.

Комсомолец Имант Каусо, токарь завода «Старс», уже выполнил пятилетний план. Этот латышский юноша принадлежит к той молодежи, которую показал Григулис в пьесе «Глина и фарфор». Имант Каусо не ищет личной славы. Нет, его волнует честь бригады, цеха, завода. В нем живет любовь к своей профессии, у него появилась гордость за свой труд. Это возвышенное чувство, так свойственное нашим советским труженикам, не было знакомо рабочим буржуазной Латвии.

Молодая работница Тамара Аукс — стахановка завода «Автоэлектроприбор». Она хорошо зарабатывает, пользуется уважением на предприятии. Но ей чуждо обывательское самодовольство. Постоянная неудовлетворенность, жажда сделать больше, — вот, что свойственно этой девушке. Все лето Тамара Аукс систематически выполняла план. Но она считала это недостаточным. Готовясь к юбилею комсомола, Тамара решила добиться новых успехов. Девушка оставалась после смены в цехе, советовалась с инженерами, мастерами. Ее волновала мысль: можно ли увеличить упаковку готовых приборов, только что сошедших с конвейера? И Аукс добилась своего! Она укладывает 1.200 приборов вместо 800.

Труженики Советской Латвии настойчиво осваивают опыт, накопленный стахановцами Советского Союза. Пример великого братского русского народа — один из источников трудовых побед Латвии.

Недавно я принимал участие в работе третьей сессии Верховного Совета Латвийской ССР. Слушая выступления депутатов, я еще раз со всей глубиной ощутил, как заботятся партия и правительство о народе, о его будущем. Цифры и факты — убедительные доводы. Только за последние три года в Латвии открыто 182 учреждения клубного типа и 197 массовых библиотек. Трудящиеся приобщаются к подлинной культуре, осваивая величайшие знания, достигнутые человечеством. Свыше 27 миллионов ассигновано в этом году на нужды культурно-просветительных учреждений республики.

Вспоминаю, какой растлевающей духовной «пищей» потчевали нас в буржуазной Латвии. На сцене шли пьесы, о содержании которых лучше всего говорят названия: «Дрессировщик зверей», «Обманчивые мечты Мильды», «Убийство влюбленных» и т. д.

Сегодня мы с увлечением и любовью изучаем произведения Пушкина и Лермонтова, Чернышевского и Белинского, Горького и Шолохова, Упита и Лациса и других писателей.

Я перелистываю газеты сегодняшней Латвии. Они рассказывают о досрочном выполнении плана третьего решающего года пятилетки, о силе коллектива, о сознательном творческом и радостном труде.

Газета «Советская Латвия» сообщает о том, что старый кузнец депо «Ганибас» Иосиф Бидзин выполнил уже больше шести годовых норм, о том, что Петр Рогачев, бригадир фрезеровщиков завода «Старс», со своей бригадой за девятнадцать месяцев выполнил восьмилетнее задание, о том, что старый литейщик-формовщик Ян Зенберг, выдвинутый на пост начальника литейного цеха, сделал свой цех стахановским.

Счастье освобожденного труда, право на труд, на человеческое существование сквозят за строками сдержанной газетной информации о жизни и работе старых и молодых граждан нашей республики.

Сталинская Конституция обеспечила за нами эти права.

РИГА.

С. МАРВИЧ

Служение высокой теме

К сорокалетию литературной деятельности Ф. В. Гладкова

Когда Ф. Гладков работал над «Цементом», страна еще только вставала из разрухи. Художник не отставал ни на шаг от своих современников. Он вместе с ними пробивал дорогу в будущее.

Один из персонажей первой большой книги Гладкова говорит, что пуск цементного завода — «победа огромная, нечеловеческая...» Завод возрождали изголодавшиеся, измученные люди, не было механизмов, строителей бремсберга подстерегали укрывшиеся в горах белые бандиты. Но не эти лишения и опасности, как бы они ни были тяжелы, — главное в книге Гладкова. Иная, гораздо более высокая идея лежит в основе романа, — главное в нем то, что массы берутся за решение абсолютно новой для них задачи. Не только голод, не только хаос разрухи надо было преодолеть строителям, но и полное отсутствие опыта. Однако это не могло остановить их творческий порыв. Машинист Брынза говорит Чумалову:

«—Завод должен быть пущен, Глеб. Завод не может умереть... Иначе — зачем делали революцию? Зачем тогда мы?»

Глеб Чумалов не забывал ни на минуту о том, что «перед нами открывается целый мир, который уже завоеван». В новом завоеванном мире предстояла огромная созидательная работа.

Ф. Гладков —первый советский писатель, который посвятил себя этой высокой теме. С тех пор он служит ей бессменно.

«Цемент» — книга писателя-новатора. Истоки этого подлинного новаторства заключались в том, что автор сумел уловить и показать исторические черты своего времени и в этом времени увидеть то, что прямым путем ведет в грядущее — в социализм. Недаром заключительная глава романа называется: «Толчок в будущее».

Не так легко было писателю в те далекие годы отстаивать свое право на работу в этом направлении. Некоторые литераторы считали книги, в которых говорилось о воспитательной роли труда, особым видом литературы. Долгое время даже существовал такой термин — «производственный роман». Вопрос о том, обязательно ли изображать советского человека в тесной связи с его работой, еще до войны был предметом обсуждения. Сейчас трудно даже поверить в то, что этот вопрос мог быть дискуссионным.

Ф. Гладков своей книгой «Цемент» призывал писателей изображать советского человека в его основном деле — в труде. Глеб Чумалов и Даша целиком отдают себя работе. Однако минувшее наложило свою печать на их психику, на их поступки. Порою они ведут себя так, что читатель не может не заметить пережитков прошлого в духовном облике героев. Глеб Чумалов и Даша не могли возродить свою семью. Как сложится дальше их личная жизнь? В книге об этом не прочесть.

Работа над «Энергией» явилась для Гладкова продолжением все той же темы труда. Писатель стремится отобразить огромные перемены, которые произошли в советской стране в промежутке между пуском старого завода в Новороссийске и закладкой плотины на Днепре.

Один из героев «Цемента» Глеб Чумалов перешел в роман «Энергия». Но на этот раз автор уделил ему сравнительно мало места. Нетрудно увидеть, как изменился, вырос этот человек. Он уже не просто возрождает разрушенный завод. Эта забота, когда-то жгучая и мучительная, позади. Теперь Глеб освобождает новые производительные силы, он покоряет мощную реку.

Таких людей, как Татьяна, Наташа, Вакир, не было и не могло быть среди героев «Цемента». Время ушло вперед. Эта молодежь стоит на более высокой ступени социалистического сознания. Им по плечу большие и трудные задачи.

Выросли и руководители нового типа.

Мирон Ватагин — руководитель гораздо более зрелый, он как бы вобрал в себя опыт своих предшественников. Потому он и может быть вожаком масс.

Содержание романа не ограничивается стройкой огромной электростанции. Это книга о творческом энтузиазме масс, о социалистическом соревновании, о трудовых подвигах передовиков первой сталинской пятилетки.

И в этом произведении Гладков показал себя безусловным новатором. Описание трудовых процессов в романе «Энергия» органически слито с мыслями, чувствами, поступками героев. Роман «Энергия» был значительным этапом в работе художника. Автор отчетливо видел рождение нового и попытался запечатлеть это новое в его стремительном движении вперед.

Труд, как основа, как содержание нашей жизни, стал темой еще одного большого произведения Ф. Гладкова—«Клятва». Эта повесть посвящена годам Великой Отечественной войны. В ней рассказывается о страстном, вдохновенном труде советских людей, работающих во имя победы. Герой повести, стахановец Николай Шаронов — передовой представитель советского рабочего класса. Ему во многом присуще то новое, что характерно для стахановцев нынешнего времени. Шаронов — инициатор движения рационализаторов техники—тысячников. Это человек с широким кругозором и разнообразными интересами. Не случайно писатель ведет повествование от лица своего героя. Шаронов сам пишет книгу. В подзаголовке повести так и значится: «Записки фрезеровщика Николая Шаронова».

Рождение нового и проступающие в нем черты грядущего составляют пафос произведений писателя, посвятившего свое творчество благородной теме созидания, теме рабочего класса. Потому Ф. Гладкова и любят советские читатели.

В Союзе советских писателей СССР

Новая поэма Веры Инбер

Первая часть поэмы В. Инбер «Путь воды» была опубликована в альманахе «Год XXXI». На заседании секции поэтов ССП в Центральном доме литераторов поэтесса читала также и вторую часть поэмы, которая будет напечатана в № 12 журнала «Новый мир».

В поэме В. Инбер жизнь советского Узбекистана сопоставляется с жизнью полуколониального Ирана. Совпадающие климатические условия, равноценные земли, одинаковое количество воды и совершенно различный уровень жизни, благосостояния, культуры двух народов — вот тема поэмы В. Инбер.

Н. Тихонов говорил об удаче В. Инбер в решении на новом материале темы двух враждебных миров. Однако Н. Тихонов отказал поэме в композиционной целостности.

Ему возражал Г. Шенгели, считающий поэму своеобразной по своему построению. Это, по его мнению, лирический дневник поэта. А. Адалис также не сочла мнение Н. Тихонова о композиционной нестройности поэмы правильным.

На вечере выступили П. Антокольский, Е. Долматовский, С. Островой, И. Гринберг, Ф. Левин.

А. Коваленков печалился о том, что наша поэзия «кренится» в сторону международных тем. Он ратовал за большее внимание к темам внутренним, якобы игнорируемым поэтами.

Председательствовавший на вечере С. Щипачев квалифицировал выступление А. Коваленкова как неправильно ориентирующее советских поэтов.

— Нельзя ограничивать мир наших интересов внутренней темой, — сказал он. — Мы, советские люди, отвечаем за судьбу всей планеты. Пусть будет больше интересных, талантливых стихов о преимуществах советского строя над капиталистическим.

Подводя итоги обсуждения, С. Щипачев сказал, что поэма В. Инбер политически правильная и нужная. Это новый вклад в поэзию, посвященную борьбе двух миров, борьбе за мир, за демократию. Однако, несмотря на прекрасно написанные отдельные части, в поэме есть необязательные главы, она может быть гораздо короче.

В. Инбер в конце вечера рассказала о работе над поэмой и поблагодарила собравшихся за критические замечания.

Из зала Генеральной Ассамблеи

ДЕРЖИМОРДЫ ВО ФРАКАХ

Когда старый английский дипломат Гарольд Никольсон писал, что дипломатический язык употребляется для произнесения «тех сдержанных, осторожных фраз, которые дают возможность дипломатам и министрам говорить друг другу самые резкие вещи в вежливом и мягком тоне», он не имел в виду ни министра Бевина, ни американцев Остина и Осборна, ни тем более американо-филиппинского генерала Ромуло. Таким дипломатам никакие наставления о дипломатической вежливости и такте не помогут. Тут, как говорится, не в коня корм.

Не случайно на Генеральной Ассамблее отличаются грубостью именно представители англо-американской дипломатии. Во-первых, они вообразили, что могут положить ноги на стол в организации, где они имеют механическое большинство. Во-вторых, в речах англо-американских дипломатов грубость призвана заменить аргументы и доказательства, которыми они, как правило, не располагают.

Почин сделал на пленарном заседании Генеральной Ассамблеи Эрнест Бевин. Известно, что этот лейбористский Собакевич без каких-либо признаков смущения наступает на ноги многим из своих сателлитов. Но так как он не может, разумеется, позволить себе этого в отношении Советского Союза, то его неприязнь и грубость воплощаются в тех речах, которые он произносит.

В своей речи Бевин фарисейски оплакивал судьбу Греции. Он, конечно, не промолвил ни слова о том, что английские войска вместе с греческими монархо-фашистами устроили резню греческих патриотов, о том, что этот жестокий террор продолжается в Греции по сей день и полностью одобряется англо-американскими военными и дипломатическими миссиями. Он умолчал о том, что профашистское греческое правительство держится только на английских и американских штыках. Что же оставалось сказать Бевину для прикрытия англо-американской интервенции в Греции? Конечно, он выволок на свет (в который раз?) все то же пугало «советского коммунизма», который якобы хочет захватить «в свои сети» Грецию...

Вслед за Бевином пустились во все тяжкие и его подручные — Шоукросс, Макнейл и Мэйхью. Лощеный прокурор Великобритании Шоукросс, беззастенчиво клевещущий на Советский Союз, использовал те самые приемы, которыми в свое время пользовались колченогий Геббельс и его свора антисоветских лжецов. В припадке ненависти к СССР Шоукросс договорился до диких несуразностей, заявив, что советские предложения о запрещении атомного оружия и о сокращении вооружений являются... агрессивными.

Речь английского представителя Мэйхью на заседании третьего комитета явилась грязным пасквилем на СССР и советскую конституцию. К такому низкопробному методу Мэйхью прибег с целью попытаться ответить на разоблачения советской делегацией «прав» человека в Британской империи, где царят рабство и угнетение миллионов людей разных рас и национальностей.

Не отстают от своих британских коллег и американские дипломаты, которые своим поведением на Генеральной Ассамблее напоминают слона в посудной лавке.

Ослепленные враждебностью к советской стране, они перестали соблюдать даже внешнюю лойяльность и уже не стесняются в выражениях, тем более, что многим из них, сменившим генеральские мундиры на дипломатические фраки, вообще не знаком дипломатический язык. Они хотят диктовать, командовать. Но американской команде повинуются отнюдь не все. Бессильные в своей злобе американские дипломаты начинают грубить и клеветать на Советский Союз, который стоит, как оплот мира, разоблачая все происки агрессоров.

Выступая в подкомитете первого комитета Генеральной Ассамблеи, американский генерал Осборн повторил геббельсовские вымыслы о «железном занавесе» и разразился бранью по поводу предложений о запрещении атомного оружия и о сокращении на одну треть вооруженных сил и вооружений пяти великих держав. Это все, что американский солдафон и агент Уолл-стрита смог сказать в ответ на то смелое разоблачение американских поджигателей войны, которое сделала на весь мир советская делегация.

Куда конь с копытом, туда и рак с клешней. Филиппинский делегат Ромуло, марионеточный генерал с американскими погонами и орденами, решил последовать за своим предводителем Осборном. Он, как попугай, повторил гнусности, высказанные Осборном, и еще добавил грубостей от себя. Свою пакостную речь Ромуло произнес в той крикливой форме, которая свойственна всем речам этого маленького человечка, этого напыщенного прислужника государственного департамента США, изображающего из себя представителя филиппинского народа.

Грубость всегда остается грубостью, исходит ли она от гангстера, американского генерала или английского министра. В данном же случае грубость свидетельствует о том, что, уличенные в преступном заговоре против мира, в подготовке новой захватнической войны, англо-американские дипломаты теряют равновесие и выдержку.

Что касается советской делегации, то она смело и бдительно отстаивает честь и достоинство великой советской державы, советской дипломатии. Держиморды в дипломатических фраках получают решительный отпор.

На заседании первого комитета А. Я. Вышинский в своем выступлении дал, между прочим, уничтожающую оценку всему поведению американо-филиппинского генерала, подчеркнув, что у него на рубль амбиции и на грош амуниции, почему он и гремит, как пустая бочка.

— Имейте в виду, почтенные,—заявил всем этим господам А. Я. Вышинский,—что на всякий ваш выпад мы ответим втройне. Не пробуйте разговаривать с нами таким языком, каким пытаются разговаривать всякие осборны и ромуло. И если они и дальше будут действовать в таком же духе, то пусть пеняют на себя.

Г. ПЕТРОВ

ПАРИЖ, 19 ноября. (По телеграфу).

Машина Маршалла

«Вот ваше большинство, которое голосует, как по команде, за все, что предлагает делегация США».

(Из речи А. Я. Вышинского в первом комитете Генеральной Ассамблеи ООН 13 ноября 1948 года).

Фотомонтаж А. ЖИТОМИРСКОГО

ФАКТЫ БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ

КОЛОНИЗАТОРЫ РАЗВЛЕКАЮТСЯ

Недавно больше двадцати китайских женщин, в том числе жены и дочери некоторых видных гоминдановцев, побывали на балу у американских летчиков в Ханькоу. Как сообщает агентство Телепресс, бал был устроен по распоряжению американцев филиппинским поверенным в делах со специальной целью. Когда гости собрались, все двери и окна были заперты, и во время танцев «внезапно» погас свет... Китайские женщины стали жертвами гнусного насилия.

Председатель городского комитета Гоминдана запретил производить расследование этого заранее подготовленного преступления, чтобы, упаси боже, не прогневить колонизаторов. Мэр города Ханькоу подобострастно развел руками: «Что мы можем поделать? Ведь это—американцы...»

НА ПОДЖИГАТЕЛЯХ ШАПКА ГОРИТ...

Комментируя приговор главным японским военным преступникам, американская газета «Нью-Йорк дейли ньюс» решительно осуждает его на том основании, что в будущем американских милитаристов, возможно, ожидает такая же судьба.

Поскольку Советский Союз обвиняет американских империалистов в подготовке агрессивной войны, «Нью-Йорк дейли ньюс» предостерегает, что если Соединенные Штаты будут вести войну с СССР и проиграют ее, то начальник генерального штаба Брэдли и министр обороны Форрестол будут преданы суду.

В. АЛЕШИН

Форрестол принимает парад

Джеймс Форрестол возвратился в США из поездки по Европе.

Вояж министра обороны Соединенных Штатов Америки проходил под покровом тайны. Зачем ездил министр? С кем он встречался и о чем толковал? Толпа газетных корреспондентов и радиокомментаторов бежала впереди министра. Они создавали дымовую завесу.

Министр ездил в Европу, щебечет «голос Америки», думая лишь о сугубо внутренних делах США. Он встречался только с американцами. В Париже он говорил с Джорджем Маршаллом. В Лондоне — с персоналом миссии. В Берлине — с генералом Клеем и его чиновниками. Они вспоминали красоту солнечного заката во Флориде и обсуждали перспективы свиноводства в штате Айова. На искалеченных войною полях Европы, на развалинах линии Мажино и у стен восстановленных военных заводов Бизонии Джеймс Форрестол собирал идиллические цветы осени...

Но из-за дымовой завесы доносится не запах цветов.

Дым пахнет порохом.

Впрочем, это и есть установившийся за последние три года в Америке примитивный, ставший уже общепонятным, условный код: цветами они называют динамит, черное зовут белым, словом «мир» заменяют в своих речах и книгах неблагозвучное слово «война».

В заранее об'явленном маршруте Джеймса Форрестола фигурировали четыре пункта, которые намеревался он посетить: Франкфурт, Париж, Берлин и Лондон.

Потом министр завернул еще и в Брюссель.

Заезжая в Брюссель, министр уклонился не только от намеченного маршрута. Он изменил и своему первоначальному намерению разговаривать в Европе лишь о национальных делах Соединенных Штатов. В газетах промелькнуло туманное сообщение о том, что в Брюсселе состоялась у Форрестола беседа, посвященная «исключительно стратегическим вопросам, касающимся западных держав».

Кто-то из наивных корреспондентов задал Форрестолу прямой, не зашифрованный в соответствии с установившимся кодом вопрос: обеспечат ли США оружием и боеприпасами западноевропейские армии?

Министр пожал плечами и невозмутимо промолчал.

Однако в это время из-за дымовой завесы донеслись отголоски споров, происходивших в окружении путешествующего министра. Спорили не о красках флоридских закатов. Дебатировали нечто гораздо более далекое от «национальных дел США»: приглашать ли для присоединения к Северо-Атлантическому военному союзу такие фашистские государства, как Испания, Португалия, Эйре? Звать ли Норвегию и Данию? Не сломать ли условия мирного договора и не пригласить ли Италию, восстановив, понятно, ее военный потенциал?

И, наконец, из-за дымовой завесы выпорхнула одна конкретная и ясная цифра: установлено было, что вооружение участников Северо-Атлантического пакта должно обойтись Соединенным Штатам в первый же год в два миллиарда долларов. И Джеймс Форрестол намерен добиваться реализации этой цифры.

В 1919 году в Брюсселе зажгли неугасимый огонь над могилой Неизвестного солдата и написали на памятнике, что человек, похороненный здесь, погиб во имя того, чтобы минувшая война оказалась последней.

Менее, чем тридцать лет спустя, над сотнями тысяч новых могил рыдали безутешные матери, дети и вдовы.

Эти слезы не просохли еще и сегодня.

Не увяли цветы на могилах и не зажили кровавые раны в сердце.

По уже на свежих могильных холмах американский министр вновь проводит военный смотр, проверяя, подросли ли дети Европы для новой войны.

Говорят, что в годы раннего детства Джеймс Форрестол продавал папиросы и спички в своем родном городе Бикон, штат Нью-Йорк.

В возрасте пятидесяти шести лет Форрестол не изменил своей первой профессии Он стремится превратить Западную Европу в пороховой погреб и приезжает, чтобы торговать у этого погреба американскими спичками.

Сейчас Джеймс Форрестол усиленно распространяет слухи о своем возможном скором уходе в отставку.

Тем показательнее тот военный смотр, который проводил на-днях Форрестол на могилах Европы.

Джеймс Форрестол принадлежит к той всемогущей троице, которая по сей день играет важную роль в управлении нынешними судьбами Америки и настоятельно стремится помочь американским монополиям захватить в свои руки управление судьбами всего мира. Кроме Форрестола, в состав этой троицы входят Аверелл Гарриман и Роберт Ловетт.

Все они—старые партнеры по банкирской фирме «Диллон Рид и К°».

Америку и мир они привыкли рассматривать лишь с точки зрения интересов своей фирмы. А стратегия и дипломатия их строятся лишь на расчете возможных прибылей и убытков.

Даже Лейк Саксесс — штаб-квартиру Об'единенных Наций — стремятся они превратить в филиал своей фирмы.

Бывший продавец папирос, бывший репортер провинциальных газет и мелкий торговый маклер, Джеймс Форрестол выдвинулся в финансовом мире ровно четверть века тому назад благодаря удачно заключенной торговой сделке. Он помог Кларенсу Диллону, главе банкирского дома «Диллон Рид и К°», удачно приобрести автомобильную фирму «Додж», а вслед затем продать ценные бумаги этой компании за сто пятьдесят миллионов долларов.

Свет этого первого доблестного подвига на поле финансовых битв озарил всю дальнейшую карьеру Форрестола.

В 1927 году его избрали вице-президентом фирмы, а еще десять лет спустя — ее главою.

Джеймс Форрестол — человек сугубо гражданский, если не считать его незначительного участия в воздушных силах американского флота в годы первой мировой войны. Его не учили в Вест-Пойнте маршировать, стрелять и разрабатывать диспозиции сражений. Но то, что Форрестол ничего не смыслит в военном деле, не удивляет американцев; точно так же, как не удивляет их и то, что генерал Джордж Маршалл, профессиональный военный, стоит во главе Государственного департамента.

Таковы традиции государственности в понимании Уолл-стрита. Там можно быть полным невеждой в военном деле и стать военным министром. Для этого нужно лишь хорошо знать интересы владельцев особняков на Парк-авеню и фирм на Уолл-стрите.

Форрестол отлично знает эти интересы. Ведь это прежде всего его собственные интересы.

По представлению Форрестола, военный бюджет на 1948—49 финансовый год был утвержден в сумме, превышающей 14 миллиардов долларов, и составляет 36,1 процента общего бюджета США. Столько же было израсходовано в 1945 году, в последний, напряженнейший год второй мировой войны.

Но и четырнадцать миллиардов долларов далеко не исчерпывают всех сумм, которые в действительности расходуются в Америке на подготовку к войне.

Форрестол—министр-бизнесмен и опытный маклер. Он умеет сохранять коммерческую тайну и обделывать крупные дела, маскируя их под видом невинных операций.

По статьям, не имеющим ничего общего с графой военных расходов, выделяются ассигнования на исследовательские работы в различных странах земного шара, на постройку трубопроводов и проведение дорог. Так из расходов, якобы потраченных на мирные и даже филантропические цели, внезапно рождаются готовые военные базы для выполнения стратегических планов.

Крупнейшие университеты Америки получают немалые суммы от компаний, от отдельных «филантропов» и от самого Форрестола. Эти суммы ассигнуются на «научную работу». Научная работа на эти деньги ведется в специально созданных отделениях университетов, из которых выходят не люди, думающие о мире, прогрессе и счастье человечества, но офицеры, изучившие иностранные языки, топографию и экономику стран, которым суждено стать плацдармом новой кровопролитной бойни...

На протяжении многих лет Форрестол имел прочный контакт с немецкими финансистами. Фирма «Диллон Рид и К°» совместно с банкиром Фердинандом Эберштадтом финансировала германские сталелитейные и железообрабатывающие компании. Они реорганизовали об'единение «Рейн—Эльба» и выпустили для него в Америке акции на 25 миллионов долларов. Вместе с лондонским банком Шредера Кларенс Диллон, предшественник и учитель Форрестола, завершил организацию такого ядра германской военной промышленности, как «Ферейнигте Штальверке».

Они вкладывали деньги в предприятия «И. Г. Фарбениндустри» и выпускали займы для германского Рейхсбанка. Передавая деньги из рук в руки немецким и итальянским промышленникам и банкирам, они помогали Гитлеру и Муссолини.

Это была крупная игра.

И кто знает, если бы не азарт злой игры, которую вели во имя своих прибылей несколько человек в Нью-Йорке, может быть, Адольф Гитлер так и остался бы на всю жизнь жалким городским сумасшедшим, известным лишь завсегдатаям мюнхенских пивных?!

Но смерть миллионов людей и реки пролитой крови не образумили нью-йоркских игроков. Напротив, они разожгли в этих людях новые аппетиты.

Сейчас фирма «Диллон Рид и К°», с которой попрежнему тесно связан Джеймс Форрестол, оказывает финансовую поддержку крупнейшим нефтяным монополиям «Стандард Ойл оф Калифорния энд Тексас К°», которые эксплоатируют нефтяные месторождения Саудовской Аравии. Эти компании сооружают нефтепровод из Аравии к средиземноморскому побережью и открыто возражают против раздела Палестины. Во имя интересов фирмы Форрестола в Средиземном море маневрируют американские корабли, а делегаты США юродствуют на трибуне во дворце Шайо.

Интересы фирмы, а не интересы нации и тем более не интересы свободолюбивого человечества приковывают внимание Форрестола и его генералов к землям Китая и Зондских островов, к многострадальным холмам Греции, к портам и рудникам Испании.

Судьба вложенных американскими банкирами капиталов диктует программу действий генералу Клею. Именно поэтому Бизония превращается в крупнейший военно-стратегический плацдарм американских монополий, а питатель германского империализма — предприятия «И. Г. Фарбениндустри» оказывается не только сохраненной, но и пущенной в действие.

И вот Джеймс Форрестол сам отправляется в Европу, чтобы обозреть дела рук своих.

С могильных холмов Европы он смотрит на то, как дымятся трубы военных заводов Рура и как марширует под барабанную дробь безусые люксембуржцы, потерявшие в недавней битве отцов и старших братьев.

Джеймс Форрестол видит, как приземляются на английских аэродромах «летающие крепости» с зелеными звездами на крыльях и как ухмыляется приободрившийся Франко. Он видит, как молодчики де Голля стреляют в бастующих шахтеров и как вооруженные томпсоновскими автоматами греческие фашисты тащат к стенке тех, кто верен высоким идеям свободы и демократии.

Джеймс Форрестол может считать, что сделал достаточно. Остальное доделают его компаньоны, единомышленники, друзья.

Но народы всего мира, умудренные опытом двух прошедших войн и ненавидящие тех, кто толкает их в пропасть новой чудовищной катастрофы, не только пристально следят за каждым шагом современных факельщиков Уолл-стрита, но и полны решимости помешать осуществлению их черных замыслов и кровавых планов.

Клод МОРГАН,
главный редактор «Леттр франсез» *

ПАРИЖ, 1948

Письмо советским читателям

Если бы нас попросили определить, что в настоящее время характерно для любого спора на интеллектуальные темы во Франции, то мы, не задумываясь, ответили бы: все сводится к одному — кто какую позицию занимает по отношению к коммунизму.

Не так давно писатели Веркор, Мартен-Шофье, Жан Кассу, Клод Авлин, Андре Шамсон и Жорж Фридман в небольшой книге, озаглавленной «Час выбора» и вызвавшей живой отклик у читателей, рассказали об эволюции своего мировоззрения. Большинство из них так или иначе все свои надежды связывает с деятельностью коммунистической партии.

Можно ли сегодня управлять Францией вопреки воле рабочего класса? Можно ли возродить страну без участия коммунистов? Во всех слоях населения неуклонно возрастает число тех, кто считает, что это невозможно. Со дня на день множится число французов, убежденных в том, что те 30—40 процентов избирателей, которые отдают свои голоса коммунистам, являются наиболее активным, творческим элементом нации, что именно в этих людях воплощена великая, единственная надежда нашей страны.

***

В новом парижском сезоне первые дискуссии на тему о коммунизме и искусстве начались в связи с открытием «Осеннего салона». Здесь была выставлена картина художника Андре Фужерона, ставшая своего рода сенсацией. В сущности, в этой картине не было ничего особенного: лоток торговки рыбой на парижском рынке. Торговка, веселая, здоровая женщина, держит рыбу за жабры и показывает ее столпившимся вокруг домашним хозяйкам. Краски резкие, яркие, люди, изображенные художником, словно хотят сойти с полотна, настолько они живые.

Сенсация заключалась в том, что Фужерон изменил своей манере письма, что, как художник-коммунист, он осознал свою ответственность перед народом и необходимость поставить искусство на службу народу.

«Какой запоздалый реализм, какая пошлость!» — завопили буржуазные критики, да и не только критики. Фужерону не могли простить того, что он осмелился писать не так, как хотел бы его «маршан»— торговец картинами. Самое любопытное то, что среди критиков, выражавших возмущение картиной Фужерона, были люди, до сих пор известные в качестве яростных поборников традиционности в искусстве. Но теперь и они завопили: «Вы погибнете, если вступите в коммунистическую партию, ибо вас заставят отказаться от вашей свободы и ваши картины будут напоминать рисунки на календарях почтово-телеграфного ведомства». Вот куда направлена эта критика работы Фужерона!

А между тем, я уверяю вас, произведения Фужерона отнюдь не напоминают продукцию телеграфного ведомства, и он не лишился ни способностей, ни технического умения, как не утратил их Арагон, когда начал писать рифмованные стихи. Могу вас заверить, что картину Фужерона никак нельзя отнести к натурализму, который справедливо критикуют в настоящее время в вашей стране. Но картина Фужерона доступна народу. Она изображает повседневную жизнь. Парижские хозяйки, борющиеся против дороговизны жизни, заслуживают быть запечатленными на полотне не в меньшей мере, чем дамы полусвета и любовницы министров. Возродить заброшенные приемы реалистической живописи—означает не шаг назад, но, напротив, движение вперед. Таким же движением вперед является и разрыв с «модным» и поныне сюрреализмом или издание такой книги, как «Разбитое сердце» Арагона. Разве мы можем считать прогрессивным художником того, кто любуется краской ради самой краски и гармонией линий ради самой гармонии? Разве можно считать прогрессивным такого писателя, как Полан, который, согласно суровому замечанию Бенда (в статье «Гробовщик Франции Жан Полан»), признает лишь слово, «рассматриваемое не как символ реальности, а вне его значения, как будто оно само является этой реальностью».

Враги коммунизма говорят: «Фужерон подчинился приказам Коминформа», то-есть то самое, что говорят французские предатели социал-демократы о бастующих горняках. Люди, покорно выполняющие приказы торговцев картинами, издателей, спекулянтов, тех, кто покупает их совесть, не понимают и не могут понять, что в действительности не существует искусства или литературы, которые могли бы быть навязаны приказом извне, и что подлинное искусство или литература возможны лишь тогда, когда человек добровольно берет на себя обязательство в результате глубокой идейной потребности.

Трудно переоценить то благотворное влияние, которое оказали выступления товарища А. А. Жданова по идеологическим вопросам на интеллигентов-коммунистов Франции. Эти выступления помогли нам яснее увидеть и понять окружающий нас мир. Мысли, высказанные товарищем А. А. Ждановым по вопросам литературы, искусства и философии, являются для нас руководящими в повседневной борьбе и деятельности.

***

В научных кругах Франции также возникло оживление в результате той дискуссии, которая развернулась в СССР вокруг теории и практики великого советского ученого Т. Д. Лысенко. Газета «Леттр франсез» открыла во Франции дискуссию на эту тему, опубликовав статью журналиста Шампенуа о достижениях советской агробиологии. Немедленно после этого несколько буржуазных ученых осмелились обрушиться на СССР, который, по их словам, стремится заглушить научные истины. Эти господа попали впросак. Что могли они сказать, когда в очередном номере журнала «Эроп» был опубликован отчет о широкой дискуссии, развернувшейся в Советском Союзе, и были подробно описаны выдающиеся успехи советских ученых — сторонников мичуринского направления в науке. Если французские ученые считают себя честными людьми, то они не могут отказаться от признания об'ективной истины и отрицать достижения советской научной мысли.

***

Весьма знаменательно, что даже реакционная печать не смогла замолчать Вроцлавский конгресс в защиту мира, резолюция которого была принята почти единогласно, в частности, при полном единодушии французской делегации. Эта резолюция дала прогрессивной французской интеллигенции мощное оружие в борьбе с поджигателями войны и замаскированными фашистами.

Заслуга деятелей мировой культуры, с'ехавшихся во Вроцлав, заключалась в том, что они весьма просто и ясно сформулировали мысли тех, кто стремится к миру и демократии. Они заявили во всеуслышание, что борьба с поджигателями новой войны неотделима от борьбы против всех тех, кто наступает на национальную независимость народов, против тех, кто поддерживает фашизм там, где он еще сохранился, и кто старается в некоторых странах мира призвать к жизни дух и методы фашизма.

Во всех наших действиях мы отныне можем всегда опираться на решения Вроцлавского конгресса. Французские делегаты об'ездят всю нашу страну, чтобы оживить и усилить движение в пользу мира. Газета «Леттр франсез» выступает с призывом максимально развернуть кампанию в защиту всеобщего мира.

***

В области литературы сезон открылся 21 октября внушительной демонстрацией выставки, организованной Национальным комитетом писателей. В связи с ежегодной продажей книг, снабженных авторскими автографами, а также рукописей комитет сгруппировал вокруг себя, помимо своих членов, наиболее видных французских писателей. Многочисленные посетители заполнили залы «Дома мысли» на Елисейских полях, где была устроена выставка, и продажа книг в этом году оказалась рекордной. Эта ежегодная выставка, явившаяся большим успехом для нашего Национального комитета писателей, превращается в настоящий «Осенний салон книги». Некоторые произведения там выставлены впервые, как, например, «Новое разбитое сердце» Арагона, «Мы вернемся срывать цветы» Жана Лаффита, который уже в прошлом году приобрел известность замечательной книгой «Живые борются».

А что делают наши противники, о чем они пишут? Если не считать мемуаров предателей, которые наводняют книжный рынок (отметим кстати, что перед магазином, выставившим в витрине эти книги, состоялась демонстрация бывших групп движения Сопротивления и борцов за свободу; демонстрация прошла с большим успехом, несмотря на появление значительных полицейских сил), то нам не о чем говорить, за исключением гнусной поэмы Поля Клоделя, призывающей к истреблению вьетнамовцев. Мориаку, Мальро, Сартру и компании, видимо, не о чем писать, кроме той слепой ненависти, которую они носят у себя в груди.

***

Борьба интеллигенции разворачивается в тесном контакте с борьбой всего французского народа, отстаивающего свою национальную независимость и право на жизнь. В момент, когда наши бастующие горняки ведут столь ожесточенную борьбу, я прошу советских друзей твердо верить в наш рабочий класс, который поднимается против своих угнетателей и не дрогнет, выполняя свой долг. Французская интеллигенция приложит все старания к тому, чтобы, в свою очередь, оказаться достойной своего народа.

ПАРИЖ. Ноябрь.

* «Леттр франсез» — популярная прогрессивная еженедельная газета по вопросам литературы и искусства. В годы гитлеровской оккупации выходила подпольно. Основателем ее был известный французский революционный поэт Жак Декур, расстрелянный немцами.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.
Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ, Л. ШАУМЯН.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни — К 3-37-34, международной жизни — К 4-64-61, науки и техники — К 4-60-02, информации — К 3-19-30, отдел писем — К 0-62-91, издательство — К 4-28-63.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5.

Б — 04203.